

Педагогическіе афоризмы и замѣтки.

О воспитаніи.

Всякія награды, по нашему убѣжденію, являются рѣшительно антипедагогическимъ средствомъ. Награждать кого-нибудь за пользу, приносимую не себѣ, а другимъ—это, конечно, имѣетъ смыслъ; но награждать за то, что юноша или дѣвица хорошо учится, т. е. приноситъ *себѣ* пользу, а не другимъ, не имѣетъ никакого смысла. (Ж. Обр. 1876 г. Педаг. хроника).

Отчужденность дѣтей отъ преподавателей такъ вѣлалась въ наши школьные нравы, что бесѣды учениковъ съ учителемъ внѣ класса часто даже осуждаются: ученики видятъ въ разговорахъ съ учителемъ неблаговидное заискиванье, начальство школы заподозриваетъ учителя, охотно бесѣдующаго съ дѣтьми внѣ класса, въ желаніи популярничать. Нѣкоторые изъ учителей даже опасаются, что, вступая въ бесѣды съ ученикомъ, они утратятъ свою авторитетность, основанную будто бы на недоступности. У насъ возможны, напримѣръ, такія явленія, что въ теченіе 7—8-лѣтняго курса учащіеся не перекинутся ни однимъ словомъ съ преподавателемъ внѣ класса. (Ж. Обр. 1880 г. Изъ жизни и лит.).

На развитіе эстетическаго чувства обращается, къ сожалѣнію, слишкомъ мало вниманія въ школѣ, быть можетъ, именно потому, что въ нашей жизни приходится слишкомъ часто наблюдать эстетическое чувство въ извращенномъ видѣ, а также и потому, что даже не всѣ образованные люди у насъ понимаютъ, что правильное эстетическое развитіе необходимо для нравственнаго развитія, что одно съ другимъ идетъ обыкновенно рука объ руку. (Ж. Обр. 1881 г. Изъ жизни и литерат.).

При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ все-таки справедливость требуетъ сказать, что школа наша даетъ учащимся въ нравственномъ отношеніи сравнительно больше, чѣмъ общественная и семейная жизнь; и у плохого законоучителя ученики про-

чтутъ и до извѣстной степени поймутъ Евангеліе, и у зауряднаго словесника ознакомятся съ лучшими литературными произведеніями, въ которыхъ сказываются думы, чувства, желанія, словомъ, вся душа лучшихъ русскихъ людей и писателей. Что же видятъ наше юношество въ окружающей его жизни? Видитъ ли практическое примѣненіе ученія Христова о любви къ ближнему? Видитъ ли примѣры высокой гражданской доблести? Видитъ ли великихъ проповѣдниковъ, потрясающихъ сердца людей нравственной силою своего слова? Видитъ ли, наконецъ, героевъ знанія, жертвующихъ для него своимъ состояніемъ, почетомъ и даже жизнью? Не приходится ли этому юношеству чаще всего видѣть въ жизни нѣчто совершенно противоположное? Крайній эгоизмъ, мелочность и пошлость—вотъ что чаще всего встрѣчаетъ въ жизни юноша, начинающій самостоятельно жить. «Пить, ѣсть и веселиться»—вотъ девизъ этой жизни. Одни безъ труда могутъ слѣдовать этому пріятному призванію; другіе должны для этого трудиться и служить. Стрѣляются у насъ молодые люди дѣйствительно иногда потому, что никакъ нельзя примириться съ этимъ призваніемъ. Не въ школѣ, а въ жизни происходитъ «оголеніе отъ идеаловъ».

(Ж. Обр. 1881 г. Изъ жизни и литерат.).

Исторія свидѣтельствуетъ, что бываютъ времена, такъ сказать, умственного расцвѣта, времена, богатые великими учеными, со страстью преданными своей наукѣ, глубокими мыслителями, талантливыми писателями. Въ такіе годы, урожайные въ умственномъ отношеніи, и школа на всѣхъ своихъ ступеняхъ полна жизни и силы. Самая умственная атмосфера, такъ сказать, благопріятна для образованія: и въ школѣ, и внѣ ея чуткая молодежь видитъ людей высоконравственныхъ, проникнутыхъ глубокими убѣжденіями, внѣ которыхъ и жизнь для нихъ невозможна, встрѣчаетъ въ жизни высокіе и свѣтлые идеалы. Въ такое время школа полна того «тепла и свѣта», безъ котораго воспитаніе не воспитаніе, ученіе не ученіе. Но бываютъ иныя времена, времена какого-то соннаго, даже мертвеннаго состоянія общества. Тѣ мечты и идеалы, которыми такъ полна была жизнь предковъ, уже отжили свой вѣкъ, а новые не народились. Самыя знанія, кажется, будто утративъ новизну, лишились своей преж-

ней возбуждающей силы и слабо дѣйствуютъ на умы людей этого времени. Поколѣніе это является какимъ-то бесплоднымъ, немощнымъ. Холодное сомнѣніе, равнодушіе характеризуютъ большинство образованныхъ людей. Чаше и чаще встрѣчаются такія личности въ средѣ ихъ, которыя, по словамъ поэта, «къ добру и злу постыдно равнодушны». Въ такія времена ни наука, ни литература не процвѣтаютъ. Понятно, что и школа находится тогда въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Жизнь, окружающая юношество, глушитъ умственные и нравственные интересы, если они пробуждаются школой. Какова же роль школы въ такія печальныя времена? Хотя школа, какъ уже сказано, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ обществомъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ процвѣтать, когда общество не процвѣтаетъ умственно и нравственно, по все же въ извѣстныхъ предѣлахъ она можетъ быть лучше и хуже. Чѣмъ непріятнѣ общественная жизнь, тѣмъ болѣе школа должна стремиться къ тому, чтобы развить у своихъ питомцевъ умственные и нравственные силы. Дѣятельность школы, воспитательная и образовательная, въ такія печальныя эпохи должна стать по мѣрѣ возможности болѣе напряженною. Убѣжденія формируются преимущественно жизнью и убѣжденіями другихъ; школа должна поэтому больше выдвинуть, по нашему мнѣнію, тѣ науки и искусства, которыя помогаютъ этой формировкѣ. Особенно важны въ этомъ отношеніи исторія и словесность, разумно поставленныя. (Ж. Обр. 1879 г. Изъ жизни и литерат.).

Дѣти! Самое это слово рѣдко сорвется съ устъ нашихъ педагоговъ. Это для родителей есть дѣти, дорогія имъ существа, одаренныя живой душой, съ особеннымъ своимъ интереснымъ внутреннимъ міромъ, со своими горестями и радостями. А большинство педагоговъ знаетъ только «учениковъ» и «ученицъ»: для нихъ это совершенно особыя существа, созданныя специально для школы, существа, одаренныя слухомъ для того, чтобы слушать все, что учитель рассказываетъ, и особымъ аппаратомъ въ головѣ, воспринимающимъ все, что объясняется учителемъ или учебникомъ, и сохраняющимъ все воспринятое, по крайней мѣрѣ, вплоть до выпускного экзамена.

А если подумаешь, сколько, быть можетъ, между такъ называемыми «школьными отбросками», т. е. учащимися, не удовлетворившими тѣмъ или инымъ школьнымъ требованіямъ, погибло дарованій и хорошихъ силъ, погибло только вслѣдствіе того, что въ нихъ не признавали живыхъ личностей, могущихъ имѣть свои склонности, свои особенности, не вполне подходящія къ тѣмъ мѣркамъ, какими нерѣдко мѣряютъ въ нашихъ школахъ «хорошихъ и благонравныхъ учениковъ».

(Ж. Обр. 1883 г. Изъ жизни и литерат.)

Какой бы зоркій контроль ни былъ со стороны начальства, ближайшаго и высшаго, надъ школой,—онъ никогда не будетъ такъ бдителенъ и проникателенъ, какъ контроль родителей.

(Ж. Обр. 1882 г. № 2. Изъ жизни и литерат.)

Нигдѣ такъ незамѣтенъ крайне низкій уровень педагогическихъ интересовъ, какъ на конференціяхъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Собирается періодически разъ въ мѣсяцъ, а не то и разъ въ два мѣсяца учительскій и воспитательскій персоналъ, обыкновенно далеко не въ полномъ составѣ, для того, чтобы молча выслушать инструкцію или отвѣтить на тѣ вопросы, какіе будутъ предложены предсѣдательствующимъ или начальствующимъ лицомъ, а не будетъ предъявлено съ этой стороны вопросовъ, то собравшіеся просидятъ два или три часа молча, слушая чтеніе балловъ, выражая скуку на своихъ лицахъ и поглядывая на часы. И нашъ личный опытъ, и рассказы многихъ педагоговъ, работающихъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, даютъ намъ право сдѣлать заключеніе, что въ большинствѣ случаевъ именно такую картину представляютъ конференціи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Только какой-нибудь выдающийся случай въ школьной жизни, какой-либо небывалый казусъ на время способенъ вывести изъ апатіи «скучающихъ педагоговъ», заставить ихъ заговорить... Поговорятъ, потолкуютъ, пожалуй, даже погорячатся, примутъ какія-либо экстренныя мѣры по поводу экстреннаго случая, и затѣмъ теченіе школьной жизни войдетъ въ свое обычное русло, и снова всеподавляющая скука воцарится въ педагогическомъ кружкѣ школы.

Судьба трехъ-четырехъ сотъ дѣтей въ рукахъ этихъ педагоговъ, а они томятся скукой, они не имѣютъ ничего ни спросить, ни сказать въ своемъ собраніи. Если когда-либо наша школа заживетъ настоящей жизнью, и господствующимъ типомъ въ учительской средѣ будутъ настоящіе, мыслящіе и любящіе свое дѣло, педагоги, то имъ, конечно, будетъ казаться поразительнымъ время скучающихъ и безмолвствующихъ педагоговъ.

(Ж. Обр. 1882 г. Изъ жизни и литерат.).

Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности провинціальныхъ, существуетъ очень вредное обыкновеніе поручать веденіе класса во время отсутствія классныхъ наставницъ кому-нибудь изъ ученицъ. Подобнымъ средствомъ цѣль достиженія порядка нисколько не достигается, напротивъ, получаютъ совершенно противоположные результаты. Хорошая товарка ни за что не выдастъ своей подруги, какъ бы послѣдняя ни шалила; съ другой стороны и классъ нисколько не будетъ сдерживаться въ шалостяхъ и поддерживать порядокъ, несмотря на угрозы наставницы сдѣлать отвѣтственной за все ту, которой передала она свое полномочіе. Если нѣкоторыя и захотятъ пощадить подругу, то остальные, въ особенности живыя и подвижныя, будутъ терять изъ виду всякія великодушныя соображенія, что очень понятно и извинительно въ дѣтяхъ. Такимъ образомъ передача ученицѣ наставнической роли является совершенно номинальной и подрываетъ только вѣру въ основательность распоряженій наставницы. Лучшія изъ ученицъ тяготятся этой ролью и чувствуютъ стыдъ и неловкость при ея исполненіи. Другія же тѣшатся этой ролью ради тщеславія и сквернаго попользованія покомандовать и пофразировать. Попади въ эту роль дѣвочка, склонная къ деспотизму, и она найдетъ толчокъ къ дальнѣйшему развитію этой склонности.

Такимъ образомъ эта педагогическая мѣра поселяетъ между дѣтьми вражду, злобу, развиваетъ мстительность.

(Ж. Обр. 1882 г. № 12. Изъ жизни и литерат.).

О преподаваніи.

Знаніе иностранныхъ языковъ, даже хорошее знаніе (чего обыкновенно школа не даетъ) ихъ молодыми людьми, у которыхъ нѣтъ умственныхъ интересовъ, имѣеть очень мало цѣны: иностранные языки для нихъ—это ключи отъ недоступныхъ для нихъ сокровищъ. Тѣ же изъ молодыхъ людей, у которыхъ пробуждена въ средней школѣ любознательность, и развита привычка работать, безъ особеннаго труда въ два-три года изучать любой иностранный языкъ, чтобы пользоваться его литературой.

(Ж. Обр. 1888 г. Февраль. Изъ жизни и литерат.)

Тѣ знанія, какія выказываются на экзаменахъ, подобны роскошному, цвѣтущему саду, въ которомъ большая часть цвѣтовъ и кустовъ только вѣтки, кое-какъ наскоро срѣзанные и натканные въ грядкахъ, чтобы потѣшить взоръ на одинъ день, а тамъ погибнуть безъ слѣда.

(Ж. Обр. 1888 г. Изъ жизни и литерат.)

Наслаждаться природой, любить ее совершенно несвойственно дѣтскому возрасту: такое отношеніе къ природѣ есть свойство взрослого и притомъ развитого человѣка, и наполнять начальную хрестоматію описаніями природы, даже и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасными, по нашему мнѣнію, непедagogично.

(Ж. Обр. 1876 г. Рецензія о христ. Стоюнина).

Хрестоматія для начальнаго чтенія въ общеобразовательномъ заведеніи должна имѣть въ виду преимущественно интересы языка. Начинать изученіе родной рѣчи надо съ поэтическаго языка, а не съ прозаическаго. Языкъ по самому существу своему есть поэтическое произведеніе, въ созданіи котораго равномѣрно участвовали воображеніе, чувство и умъ.

(Ж. Обр. 1876 г. Педаг. хроника).

Едва ли есть какая-либо отрасль литературы, которая была бы такъ загромождена всякимъ хламомъ, какъ педагогическая, особенно надо это сказать относительно разныхъ учебниковъ и

учебныхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто только ни брался за эти вопросы, рѣшая ихъ вкривь и вкось? Чего только ни наговорено по поводу ихъ? Немудрено, что вслѣдствіе этого педагогическая литература сильно профанировалась въ глазахъ нашего общества, довѣріе къ ней подрывалось. Не этимъ ли, хотя отчасти, объясняется малое вниманіе къ педагогическимъ вопросамъ не только образованнаго общества, но и тѣхъ, кто рѣшительно не въ правѣ игнорировать ихъ? (Ж. Обр. 1884 г.)

У насъ такъ вообще стараются удешевить и упростить начальную школу, что она, пожалуй, скоро обратится въ настоящее выѣденное яйцо. Нѣкоторые хлопочутъ даже и о томъ, чтобы существующія двухклассныя школы размѣнять на двѣ одноклассныя, предполагая, вѣроятно, что, размѣнявъ одинъ двугривенный на два гривенника, стануть богаче. (Образованіе 1894 г.).

О женскомъ образованіи.

Отцы и матери не должны забывать, что ужъ разъ проснулася въ ихъ дочери жажда знанія, то, если не удовлетворить ее, она обратится въ болѣзнь: откажите жаждущему въ свѣжей, здоровой водѣ, и онъ постарается утолить жажду какой попало водою. (Ж. Обр. 1876 г., ст. «Положеніе у насъ вопроса о жен. обра.»).

Представителями новаго направленія въ обществѣ бываютъ обыкновенно люди съ натурами страстными, сильно увлекающимися, съ характерами настойчивыми, рѣшительными. Такими и были по большей части первыя представительницы стремленія женщинъ къ наукѣ. (Ibid).

Есть такіе люди, которые въ серьезномъ образованіи женщинъ видятъ помѣху материнскимъ чувствамъ, хотя едва ли возьмутся доказать, что мужчины вслѣдствіе солиднаго образованія стали утрачивать достоинства хорошихъ отцовъ.

(Ж. Обр. 1876 г., ст. «Наши задачи»).

Случись, что какая-нибудь женщина изъ получившихъ высшее научное образованіе окажется плохою семьяниной или даже порочною женщиной, — найдутся блюстители нравственности, которые не задумаются обвинить въ этомъ случаѣ научное образованіе, особенно если эта женщина попробуетъ прикрыться какой-нибудь теоріей. Нападающіе даже и не подумаютъ о томъ, гдѣ же ручательство, что эта женщина не оказалась бы порочною при недостаткѣ образованія; они не думаютъ о томъ, чѣмъ же собственно лучше этой другая порочная женщина, объясняющая причину своихъ проступковъ тѣмъ, что ее лукавый попуталъ.

(Ж. Обр. 1879. Изъ жизни и литерат.).

Открытыя женскія учебныя заведенія никогда не могутъ даваться тѣми же цѣлями, какъ институты, по отношенію къ иностраннымъ языкамъ. Если бы въ гимназіяхъ назначали двойное число уроковъ по языкамъ, сравнительно съ институтами, въ ущербъ всѣмъ другимъ предметамъ, то и тогда не достигнуть того, что достигается въ институтахъ, благодаря практикѣ, которую имѣютъ воспитанницы внѣ уроковъ. Намъ кажется, что открытое заведеніе по отношенію къ иностраннымъ языкамъ только и можетъ ограничиться той цѣлью, чтобы оканчивающія курсъ настолько освоились съ грамматическимъ строемъ иностранныхъ языковъ и лексикономъ ихъ, чтобы имъ была вполне доступна иностранная книга, написанная обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ. Стремиться же въ открытомъ заведеніи къ тому, чтобы ученицы овладѣли практическимъ иностраннымъ языкомъ, чтобы могли свободно изъясняться на немъ, — значитъ, по нашему убѣжденію, стремиться къ невозможному.

(Ж. Обр. 1876 г. Педаг. хроника.).

О наукѣ.

Популярно-научныя книги, полезныя для расширенія свѣдѣній людей съ солиднымъ образованіемъ, не таковы для лицъ, лишенныхъ его. Давая въ легко доступной формѣ результаты различныхъ наукъ, популярно-научныя книги обыкновенно

скрываютъ всю ту трудную, черновую работу, благодаря которой и добыты эти результаты; вслѣдствіе этого книги эти не могутъ дисциплинировать умъ. Легко пріобрѣтенныя свѣдѣнія балуютъ умъ, дѣлаютъ его слишкомъ самонадѣяннымъ и рѣшительнымъ, готовымъ на самыя широкія обобщенія, на крайне фальшивое примѣненіе ихъ на практикѣ. Фальшивости этой не мало содѣйствуетъ и то, что свѣдѣнія популярныхъ книгъ не всегда точны, а если и точны, то не всегда вѣрно понимаются мало развитымъ умомъ.

(Ж. Обр. 1876 г. ст. «Положеніе у насъ вопроса о высш. жен. обр.»).

Въ концѣ 1879 г. на съѣздѣ естествовѣдовъ профессоръ Вагнеръ высказалъ прекрасную мысль, которой нельзя не привѣтствовать, мысль о необходимости большаго единенія ученыхъ силъ, — разработки цѣлыми корпораціями ученыхъ лицъ научныхъ вопросовъ по извѣстной впередъ намѣченной программѣ и необходимости большаго сближенія науки съ жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, въ науки, въ томъ числѣ и естественныя, въ настоящее время развѣтвились на столько вѣтвей, на столько специальностей, часто мелкихъ, что нерѣдко узкость специальности давитъ умъ, педантизмъ сушитъ его. Узкій специалистъ, замкнувшись въ тѣсной своей ячейкѣ, иной разъ неспособенъ замѣтить самыхъ существенныхъ, жизненныхъ вопросовъ своей науки и можетъ трудиться надъ вопросами мелкими, ничтожными, случайно заинтересовавшими его. Положимъ, что съ большими умами и дарованіями этой бѣды не случится; но вѣдь такихъ умовъ единицы, а ученыхъ тружениковъ съ обыкновенными дарованіями сотни. Вотъ силы этихъ сотенъ и могли бы принести громадную пользу наукѣ и жизни, если бы не разбрасывались, не трудились надъ случайными, мелочными вопросами. Случайность и мелочность ученыхъ работъ, невозможность даже и для образованнаго человѣка видѣть ясно ихъ отношеніе къ цѣлому сильно рознать науку съ жизнью. Уже съѣзды весьма оживляютъ дѣло, именно тѣмъ, что сближаютъ ученые силы, что здѣсь каждый ученый чувствуетъ себя членомъ цѣлой корпораціи лицъ, трудящихся надъ однородными вопросами, чувствуетъ гораздо яснѣе значеніе своего труда для того цѣлага,

ради котораго и собираются ученые на съѣздъ. Не естественно ли, что тутъ же на съѣздѣ могло и даже должно было возникнуть предложеніе составить какъ бы программу, намѣтить существенные вопросы, надъ которыми слѣдуетъ поработать общими силами въ виду того, что рѣшенія ихъ нетерпѣливо ждутъ не только наука, но и жизнь. Хотя предложеніе проф. Вагнера и не было принято, но мы твердо убѣждены, что оно рано или поздно должно будетъ осуществиться, такъ какъ оно жизненно и представляетъ не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе идеи, лежащей въ основѣ съѣзда. Какъ выше сказано, всѣ науки въ настоящее время разрослись такъ широко и развѣтвились на столько отраслей, что нѣтъ возможности самому гениальному ученому совмѣстить все въ своемъ умѣ. Тамъ же, гдѣ оказывается безсильнымъ единичное лицо, тамъ должно дѣйствовать лицо коллективное, корпорація, а корпорація тогда сильна, когда связь отдѣльныхъ членовъ крѣпка, когда каждый членъ является опредѣленной и сознательной частицей цѣлаго.

(Ж. Обр. 1880 г. № 1. Изъ жизни и литерат.).

Чѣмъ чаще бываютъ научные конгрессы, тѣмъ жизненнѣе ихъ вопросы, тѣмъ сильнѣе воздѣйствуютъ они на общество, отвлекая его хотя на время отъ мелкихъ житейскихъ заботъ, пробуждая въ немъ высшіе духовные интересы, стремленіе къ знанію. На научныхъ конгрессахъ представители наукъ изъ разныхъ странъ сходятся дружно во имя знанія, и тутъ нѣтъ мѣста никакой національной розни и враждѣ: французъ Пастеръ, нѣмецъ Вирховъ и подобные имъ одинаково дороги для француза, для нѣмца, для русскаго, потому что благодѣтельное знаніе для всѣхъ благодѣтельно.

Истинная наука не таитъ своихъ открытій, она, какъ солнце, свѣтитъ всѣмъ. Въ этомъ ея высокое, облагораживающее значеніе для всего человѣчества.

(Об. 1892 г. Изъ жизни и лит.).

О литературѣ.

Пушкинъ по преимуществу поэтъ юности; произведенія его болѣе всего дѣйствуютъ на человѣка въ пору юности, въ ту пору,

когда голова человѣка полна грезъ, полна мыслей, а сердце полно смутныхъ желаній и чувствъ. Пушкинская поэзія можетъ научить «изящно чувствовать» и любить жизнь. Едва ли Пушкинъ думалъ когда-нибудь о томъ, что онъ окажетъ такія огромныя услуги русской педагогикѣ и русской женщинѣ. Произведенія великаго поэта по своему громадному значенію и вліянію часто далеко превосходятъ ожиданія его самого.

(Ж. Обр. 1880 г. Изъ жизни и литерат.).

Достоевскаго мало назвать высокоталантливымъ и высокочестнымъ работникомъ или труженикомъ мысли и слова; это былъ «подвижникъ мысли и слова», онъ всю душу свою въ нихъ влагалъ, потому-то они и были такъ жгучи, потому-то они и вызывали поклоненіе у однихъ, озлобленіе у другихъ; потому-то равнодушными къ нимъ могли оставаться только не знавшіе или не понимавшіе ихъ. Нѣкоторые говорятъ: «Достоевскій былъ больной человѣкъ нашего больного вѣка». Пусть такъ. Но развѣ можетъ человѣкъ съ глубокой натурой, съ чуткимъ сердцемъ, съ большимъ и яснымъ умомъ не болѣть въ наше время. Только пустое сердце можетъ биться всегда ровно; только пустая мысль можетъ всегда неуклонно слѣдовать правиламъ формальной логики. Если же умъ полонъ живого содержанія, если сердце полно жгучаго чувства, то человѣкъ не вмѣщается, такъ сказать, въ узкіе логическіе предѣлы; душа его рвется изъ нихъ въ другую область, въ область творчества, чаянія, вѣры. Такіе люди нерѣдко и ошибаются, но нерѣдко и предугадываютъ то, что вовсе недоступно голому логическому мышленію, и въ то же время всегда будятъ сонную общественную мысль... Вотъ великое значеніе такихъ избранныхъ натуръ. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и покойный Достоевскій. Онъ былъ не холодный изслѣдователь, а страстный искатель истины, добивавшійся найти въ самой преступной душѣ искру божественнаго свѣта. Не для ранняго юношества писаны сочиненія Достоевскаго; но молодые люди, уже начинающіе сознательную общественную жизнь, должны читать его. Его произведенія могутъ быть для нихъ прекрасной школой гуманности.

(Ж. Обр. 1881. Изъ жизни и литерат.).

Тургеневъ, подобно Пушкину, страстно любилъ жизнь, искалъ въ ней всего того, что даетъ силу душѣ, вливаетъ въ нее свѣтъ и радость. Онъ самъ хотѣлъ наслаждаться жизнью въ благородномъ смыслѣ этого слова, какъ можетъ наслаждаться ею высокоодаренный, чуткій артистъ, хотѣлъ, такъ сказать, полной грудью вдыхать ароматъ жизни. Повсюду онъ, изображая жизнь, ищетъ красоты, добра, истины, особенно любить останавливаться на свѣтлыхъ проявленіяхъ жизни. Всякія уродства, ложь, зло глубоко оскорбляютъ его. Они возбуждаютъ въ немъ не ѣдкую насмѣшку, не гнѣвъ сатирика, а глубокую грусть, отъ которой порою онъ словно ищетъ успокоенія въ картинахъ природы. Онъ по духу своему и чудному, прелестному языку прямой наслѣдникъ Пушкина въ нашей литературѣ; недаромъ самъ онъ считалъ себя его ученикомъ.

(Ж. Обр. 1883 ст. «Памяти И. С. Тургенева»).

Если не розами усыпанъ у насъ жизненный путь поэтовъ и вообще писателей, то хоронить ихъ, усыпать цвѣтами ихъ гробы и могилы и чтить память ихъ мы, русскіе, кажется, уже научились.

(Ж. Обр. 1887 г. Изъ жизни и литерат.).

Значеніе Петра Великаго въ исторіи русской школы ¹⁾.

Еслибъ меня спросили: «Какіе столпы церкви и государства? я бы отвѣчалъ: «Во-первыхъ училища, вторыхъ, училища и, въ третьихъ, училища».

(Слова Паисія Линарида).

Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить значеніе законодательныхъ мѣръ Петра Великаго относительно школъ, необходимо бросить хоть бѣглый взглядъ на то, что было сдѣлано въ отношеніи учебного дѣла до него.

До-петровская Русь жила совершенно особою отъ Запада жизнью. Монгольское иго, перенесеніе главнаго политическаго центра съ юго-запада на отдаленный сѣверо-востокъ, недружелюбныя къ Москвѣ отношенія западныхъ сосѣдей ея: Швеція, Ливоніи и Польши—вотъ главныя причины отчужденія Московской Руси отъ Европы. Слѣдствіемъ этого отчужденія было печальное состояніе русской образованности до Петра. То, что на Западѣ было сдѣлано совокупными силами нѣсколькихъ народовъ при болѣе благоприятныхъ условіяхъ мѣстныхъ и историческихъ, конечно, не могло быть исполнено русскимъ народомъ, предоставленнымъ только самому себѣ и при томъ находившимся въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Государство напрягаетъ все свои силы въ непрерывныхъ войнахъ. Народъ, разсѣянный по обширной странѣ, богатой при разумномъ трудѣ, но бѣдной

¹⁾ *Семья и школа. 1872 г. № 5.* Главная цѣль этой статьи разсмотрѣть указы Петра Великаго относительно школъ. Хотя и приходилось намъ указывать на нѣкоторыя черты тогдашнихъ училищъ и учебниковъ, но обстоятельнаго описанія тѣхъ и другихъ не имѣлось въ виду.

при всеобщемъ невѣжествѣ и отсутствіи всякихъ реальныхъ знаній, занять исключительно удовлетвореніемъ своихъ матеріальныхъ нуждъ. Деревенская жизнь преобладаетъ надъ городской, многолюдныхъ центровъ крайне мало. Все это было, конечно, весьма неблагоприятно для развитія образованности.

Византія, просвѣтившая Русь христіанствомъ, оказавъ огромную услугу въ религіозномъ отношеніи, не могла пробудить живой умственной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ. Византійское научное знаніе въ это время находилось въ крайнемъ упадкѣ. Г. Лавровскій въ своемъ изслѣдованіи о древнихъ русскихъ училищахъ говоритъ: «Творческій духъ грековъ ослабѣвалъ постепенно, и истинно-христіанское начало стѣснялось одно-сторонней догмой. Наука не имѣла жизненности, внутренней силы, свѣжести, не обращалась въ жизнь и сама не питалась жизнью, облеченная въ сухія формы, она существовала отдѣльно, почти не касаясь живыхъ современныхъ вопросовъ общества. Утонченная діалектика въ области богословія, искусственныя и пустыя умозрѣнія въ философіи, декламация вмѣсто истиннаго краснорѣчія—вотъ что болѣе всего составляло ученія занятія византійскихъ грековъ, но, конечно, не науку въ ея истинномъ значеніи¹⁾. Понятно, что подобная безжизненная школьная ученость не могла оказать сильнаго и благотворнаго вліянія на умственную жизнь другого народа; она отразилась только на церковной литературѣ.

Церковь является одинокой представительницей духовныхъ интересовъ человѣка въ древней Руси. Одни только церковно-религіозные идеалы и являлись для людей, которые силою духа возвышались надъ общимъ уровнемъ. Церковно-религіозный элементъ проникаетъ всѣ интеллектуальныя явленія древней Руси. Лучшее поприще земной жизни, какъ приготовленія къ небесной, представляетъ монастырь. Идеаль человѣка съ духомъ, преобладающимъ надъ плотью,—монахъ, ведущій религіозно-созерцательную, подвижническую жизнь. Образованіе дѣтей зависѣло, безъ сомнѣнія, отъ этого идеала: христіанское благочестіе и сми-

¹⁾ Шаповъ, Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа, стр. 13.

ренномудріє были главными задачами воспитанія; умственное образованіє состояло въ обученіи механизму чтенія, письму, въ изученіи важнѣйшихъ церковныхъ книгъ¹⁾. Книги, входившія въ составъ церковныхъ книгохранилищъ, были преимущественно церковныя, догматическія и религіозно-дидактическія. Книги эти были единственнымъ источникомъ мудрости; изъ нихъ, по словамъ лѣтописца, человекъ почерпаетъ знаніе «пути покаянія, утѣшеніе въ печаляхъ и узду воздержанія»²⁾. Сами князья, содѣйствуя торжеству новой вѣры, заботились объ обученіи дѣтей: уже при Владимірѣ и Ярославѣ отбирали дѣтей у лучшихъ гражданъ, учили ихъ грамотѣ и догматамъ новой вѣры. Впослѣдствіи обученіе дѣтей должно было еще болѣе распространиться. Можно считать достовѣрнымъ извѣстіе о существованіи училищъ при церквахъ, дворахъ епископскихъ и заводимыхъ князьями на свой счетъ. Въ этихъ училищахъ учили и греческому языку, такъ какъ нужны были переводы духовныхъ книгъ съ греческаго языка³⁾. Несомнѣнно, что главною цѣлью этихъ школъ было приготовленіе священнослужителей, и ученіе ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и изученіемъ богослужебныхъ книгъ. Свѣтскихъ же училищъ, которыя развивали бы интеллектуальныя способности, разумъ, мышленіе, въ древней Руси вовсе не было⁴⁾. Такимъ образомъ вся умственная дѣятельность замкнулась въ тѣсный кругъ только церковно-религіозныхъ интересовъ и не могла оказать плодотворнаго вліянія на свѣтское образованіе, не могла пробудить той пытливости, которая есть начало всякой науки. Церкви на Руси пришлось съ самаго начала вступить въ долгую и упорную борьбу съ языческими вѣрованіями и обычаями, которыми насквозь была проникнута народная жизнь: «мірская жизнь» въ глазахъ духовныхъ лицъ того времени значила то же, что «языческая грѣховная жизнь». Борьба повела къ слишкомъ строгому отношенію къ явленіямъ мірской жизни; не могло духовенство, считавшее преимущественно себя хранителемъ истин-

¹⁾ См. статью Забѣлина, От. Зап. 1854 г. № 12, стр. 8.

²⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣтопис., т. I, стр. 65.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I, стр. 283, т. III, стр. 88.

⁴⁾ См. Шапова «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа», стр. 25.

наго знанія, относиться доброжелательно къ мірскому знанію; если бы оно и явилось. Съ другой стороны сама богословская наука не получила на Руси такого развитія, какое было въ Византіи и на Западѣ. Послѣ татарскаго погрома слабѣетъ связь русской церкви съ византійской. Монастыри размножаются, богатѣютъ, дѣлаются убѣжищами не всегда истинно-религіозныхъ людей, а лицъ, ищущихъ прайдной, спокойной отъ мірскихъ тревогъ, жизни. Эти два обстоятельства все болѣе и болѣе клоняты монастырскую жизнь къ упадку. Невѣжество усиливается, является «скудность умственная» въ средѣ духовныхъ лицъ, такъ что многія изъ нихъ не могутъ не только бороться съ суевѣріемъ народа, но и сами за внѣшней оболочкой, за обрядомъ не могутъ усматривать сущности дѣла. Обрядъ, церковный обычай смѣшивается съ догматомъ. Истинная христіанская нравственность вырождается болѣею частью во внѣшнее благочестіе. Рѣже становятся тѣ увлеченія духомъ христіанства, которыя характеризуютъ лучшихъ людей русскихъ вскорѣ послѣ водворенія христіанства на Руси, подвиги истиннаго благочестія и милосердія. Въмѣсто этого водворяется жестокость, чуждая христіанскому духу, безнравственность, которая уживалась съ внѣшнимъ благочестіемъ. Иностранцевъ, посѣщавшихъ Русь въ XVI и XVII вѣкахъ, поражали крайне суровые нравы нашихъ предковъ: грубость, нечестность, лукавство были распространены не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ сословіяхъ. Это все было слѣдствіемъ крайне скуднаго умственнаго развитія и служило яснымъ доказательствомъ, что высоко-нравственные истины христіанства не могутъ сохраняться въ чистотѣ невѣжественнымъ умомъ.

Западъ относительно умственнаго развитія находился въ лучшихъ условіяхъ. Кромѣ церковно-религіозной образованности, тамъ на умственную дѣятельность оказываютъ сильное вліяніе римская юриспруденція и арабская образованность съ ея реальнымъ характеромъ. Послѣдняя особенно содѣйствуетъ развитію медицины и математики. Возникаютъ университеты, имѣющіе, кромѣ теологическихъ, медицинскіе и юридическіе факультеты. Цѣлыя тысячи людей сходятся въ нихъ и отсюда разносятъ во все концы Европы свои знанія. Наконецъ настаетъ возрожденіе

классицизма, который не внѣшней своей формою, но богатымъ по тому времени содержаніемъ оживляетъ такъ называемыя *гуманныя* науки, отрезвляетъ умъ, указываетъ ему болѣе жизненные задачи, чѣмъ схоластика. Разумъ и нравственное чувство ищутъ себѣ свободы отъ схоластическихъ оковъ. Съ XV вѣка начинается борьба этого новаго начала со старымъ. Несмотря на инквизицію съ ея пытками и кострами, несмотря на много благородныхъ жертвъ, новому началу удалось отстоять свое существованіе въ нѣкоторыхъ странахъ. Науки въ этихъ странахъ быстро развиваются, и устанавливаются лучшія сравнительно общественныя отношенія.

На Руси въ XVII в. идетъ тоже ожесточенная борьба, производятся пытки и казни. Реформаторами являются высшее духовенство и правительство, нашедшія нужнымъ исправить дурно напечатанныя богослужебныя книги, искоренить нѣкоторыя неурядицы и злоупотребленія въ церковной службѣ. Идеаломъ является «старина», когда этихъ неурядицъ не было. Протестующими являются главнымъ образомъ часть низшаго духовенства и народа; они также за «святую старину», въ сущности мало извѣстную имъ. Спорять ожесточенно, между прочимъ, о двухперстномъ или трехперстномъ сложеніи, о написаніи Иисусъ или Ісусъ, о двоеніи или троеніи «аллилуіи» и т. п. Являются и у насъ мученики за «старую вѣру», не менѣе другихъ энергичные, не менѣе возбуждающіе удивленія своей твердостью. Но и ихъ можно назвать только мучениками невѣжества. Все скудное религиозное достояніе ихъ было въ буквѣ, въ обрядѣ, и на это-то нищенское духовное имущество посягаютъ,—отсюда ожесточеніе и энергія. «Намъ всѣмъ, православнымъ христіанамъ, говорить одинъ изъ поборниковъ «старой вѣры»,—подобаетъ умирати за единъ *азъ*, его же окаянный врагъ выбросилъ изъ символа тамъ, идѣ же глаголется о Сынѣ Божіи, Ісусѣ Христѣ—рожденна, а не сотворенна; велика сила въ семь *азъ* сокровенна»¹⁾. Расколомъ расплатилась Русь за свое вѣковое невѣжество. Уже современники происхожденія раскола указываютъ, что главными причинами его были «скудость ума», «некнижность». Эти причины

¹⁾ Соловьевъ, т. II, стр. 279.

были такъ очевидны, что сразу могли броситься въ глаза каждому мыслящему человѣку. Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, бывшій въ Москвѣ въ 1660 году, указываетъ вѣрно на причины раскола: «Искалъ я», говоритъ онъ, «корня сего духовнаго недуга, поразившаго нынѣ христоименитое царство Русское, и старался открыть, откуда бы могло произойти такое наводненіе ересей на общую нашу пагубу,—и наконецъ придумалъ и нашелъ, что все зло произошло отъ двухъ причинъ: оттого, что нѣтъ народныхъ училищъ и библіотекъ. Если бы меня спросили: какіе столпы церкви и государства? Я бы отвѣчалъ: во-первыхъ, училища, во-вторыхъ, училища и, въ третьихъ, училища» ¹⁾. Не только не было народныхъ (свѣтскихъ) училищъ, но и образованіе духовенства находилось въ жалкомъ положеніи. Даже грамотность, бывшая неизбѣжной повинностью духовенства, пришла въ упадокъ. Уже съ XV в. начинаются жалобы на недостатокъ грамотныхъ людей для поставленія въ священническій санъ. Геннадій, архіепископъ новгородскій, обратился съ просьбой къ тогдашнему митрополиту Симону, чтобы онъ походатайствовалъ передъ Іоанномъ III о заведеніи по крайней мѣрѣ самыхъ первоначальныхъ школъ грамотности для образованія духовенства. Далѣе Геннадій въ своемъ посланіи совѣтуетъ въ этихъ училищахъ учить азбукѣ, подтительнымъ словамъ и псалтири. Затѣмъ онъ жалуется, что учителя (мастера), обучающіе желающихъ получить священническій санъ, такъ плохо учатъ, что учившійся, вышедши изъ рукъ ихъ, «ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредеть» ²⁾. Въ половинѣ XVI столѣтія Стоглавъ рисуетъ мрачную картину образованія русскаго духовенства. Небрежное ученіе грамотѣ, отсутствіе училищъ, грубые пороки и суевѣрія въ народѣ обращаютъ на себя серьезное вниманіе правительства. Въ 25-ой главѣ Стоглава говорится: «Ставленники, хотящіе въ дьяконы и попы ставиться, грамотѣ мало умѣютъ; поставить ихъ святителямъ—противно священнымъ правиламъ, а не поставить—святія церкви будутъ безъ пѣнія; православные христіане начнутъ умирать безъ покаянія. Когда святители ихъ спрашиваютъ, почему они

¹⁾ Смирновъ. Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 6.

²⁾ Порфирьевъ, «Исторія рус. словесности», стр. 365. Соловьевъ, т. V, стр. 270.

мало умѣють грамотѣ, они отвѣчаютъ: мы-де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учиться негдѣ: сколько отцы наши и мастера умѣють, столько и насъ учать. А отцы ихъ и мастера и сами умѣють мало и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учиться имъ негдѣ». Соборъ постановилъ (глава 26), «чтобы во всѣхъ городахъ выбрать добрыхъ священниковъ и дьяконовъ и въ ихъ домахъ учинить училища для обученія пѣнію, чтенію и канонарханію¹⁾. Такимъ образомъ видимъ, что обученіе грамотѣ въ до-петровской Руси было таково, что не могло вовсе удовлетворить церкви, предъявлявшей очень скромныя требованія. Указы Петра, направленные противъ безграмотности духовенства, доказываютъ ясно, что этотъ недостатокъ не былъ устраненъ до него. Въ свѣтскомъ быту, даже въ высшихъ слояхъ общества, грамотность не процвѣтала, а просвѣщеніе и даже простая начитанность составляли рѣдкость. Цари не отличались образованіемъ: за немногими исключеніями можно сказать, что они были только грамотны. Вотъ что говоритъ Котошихинъ относительно образованія царевичей: «Какъ приспѣетъ время учить царевича грамотѣ, и въ учителя выбираютъ учительныхъ людей тихихъ и небражниковъ, а писать учить выбираютъ изъ посольскихъ и подъячихъ; а инымъ языкамъ, латинскому, греческому, нѣмецкому и нѣкоторыхъ, кромѣ русскаго наученія, въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ»²⁾. Не забудемъ того, что и самъ Петръ, движимый свойственной ему любознательностью, нашелъ себѣ учителя математики, нѣмца Тиммермана, который съ грѣхомъ пополамъ объяснилъ ему, уже 16-лѣтнему юношѣ, первое арифметическое дѣйствіе, сложеніе (адіція), и Петръ въ этомъ возрастѣ пишетъ еще нетвердой рукой и безъ всякаго признака какой-либо орфографіи³⁾. Царицы бывали и вовсе безграмотны. Котошихинъ, объясняя недопущеніе пословъ Яна Казимира къ царицѣ боязнью, чтобы она своею простотою не ввела царя въ стыдъ, говоритъ: «Московского государства женской полъ грамотѣ неученыя, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на от-

¹⁾ Порфирьевъ, 416—417.

²⁾ Котошихинъ. Глава I, статья 28.

³⁾ Устряловъ. Исторія царствованія Петра В., т. II, стр. 19.

говоры (отвѣты) несмыслены и стыдливы» ¹⁾. Между боярами, даже членами царской думы, случались неграмотные. Иногда, говорить Котошихинъ, на вопросы царя «иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму, а по великой породѣ; и многіе изъ нихъ грамотѣ неученые и нестудерованные» ²⁾. Дьяки и подьячіе отличались сравнительно большей грамотностью. Такимъ образомъ, мы видимъ, что даже самая грамотность была въ упадкѣ; нечего тутъ и говорить объ образованности, объ умственныхъ интересахъ. Духовенство, которое прежде, дѣйствительно, вносило въ общество умственную дѣятельность, хотя только въ религіозной сферѣ, теперь, при крайнемъ невѣжествѣ, не всегда понимая внутренній смыслъ христіанства, проявляло нетерпимость къ умственному движенію, ко всякой новизнѣ; оно противодѣйствуетъ сближенію съ иностранцами. Патріархъ Іоакимъ молитъ благочестивыхъ царей, «да возбранятъ проклятымъ еретикамъ иновѣрцамъ начальствовать въ ихъ государственныхъ полкахъ надъ своими людьми. Какая же можетъ быть помощь отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ, православному воинству? Токмо гнѣвъ Божій наводить» ³⁾. Изъ религіозной ревности противились путешествіямъ русскихъ за границу, опасаясь, чтобы «узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи и вольность благоую», не начали бы измѣнять своимъ и приставать къ иноземнымъ обычаямъ и вѣрѣ ⁴⁾. До какой степени слѣпо держались мельчайшихъ обычаевъ старины и вооружались противъ всякой новизны, это доказывается гнѣвомъ патріарха Адріана на брадобрійцы: патріархъ пишетъ между прочимъ: «Надъ брадобрійцами не подобаетъ быти христіанскому погребенію, ни въ церковныхъ молитвахъ поминовенію» ⁵⁾. Ложное пониманіе христіанскаго смиренія ведетъ къ противодѣйствию умственной пытливости. Вооружаясь противъ «высокопаривой» мысли, духовныя лица высказываютъ, между прочимъ, такіе совѣты: «Высочайши себе не нищ, а глубочайши тебе

¹⁾ Котошихинъ, IV, 32.

²⁾ Ibid., II, 5.

³⁾ Устряловъ. Т. II, стр. 115.

⁴⁾ Котош., IV, 24.

⁵⁾ Устрял. III, 194.

не испытай, но, елико ти предано отъ Бога, си содержи» ¹⁾). Особо характерно то смиренное презрѣніе къ наукѣ, какое слышится въ одной рукописи 1643 г. «Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ (sic) астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ, учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ» ²⁾). Такимъ образомъ, видимъ, что были лица, сильныя по своему положенію и вліянію на народъ, которыя неблагопріятно относились къ свѣтскому просвѣщенію и чуть ли не всякое знаніе, выходящее изъ круга церковно-религіозныхъ интересовъ въ самомъ тѣсномъ ихъ смыслѣ считали ересью.

Къ концу XVII вѣка весь государственный и общественный строй представлялъ безотрадную картину. Являлись признаки обветшалости и разложенія. Большая часть жила только воспоминаніями прошлаго; не было уже силъ пролагать новые пути къ жизни. Если говорилось о комъ-либо, что онъ живетъ «по старинѣ», то это считалось уже величайшею похвалою. Тамъ, въ этой старинѣ, только и находили настоящую хорошую жизнь, которая, по понятіямъ большинства, становилась чѣмъ далѣе, тѣмъ грѣховнѣе, хуже: она была постепенной порчей только старой, лучшей жизни. Московское государство, выполнивъ свою историческую задачу, связавъ въ одно цѣлое раздробленную прежде Русь, очутилось въ затруднительномъ положеніи. Расширеніе территоріи и московская централизація до такой степени осложнили и затруднили управленіе, что справиться съ нимъ при недостаткѣ интеллектуальныхъ силъ и просвѣщенія стало не подъ силу московскимъ государственнымъ людямъ. Что мы видимъ въ послѣднее время въ до-петровской Руси? Въ церкви—расколъ; въ государствѣ—неустройство, неопредѣленность отношеній различныхъ властей и государственныхъ институтовъ; финансы, экономическая часть въ плачевномъ состояніи; въ народѣ опасныя волненія; безпорядки въ войскѣ; болѣе опасномъ для своихъ, чѣмъ для враговъ. Такимъ образомъ Московское

¹⁾ Шаповъ, 9.

²⁾ Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел., т. I, стр.

государство, не имѣя жизненныхъ силъ для самостоятельнаго обновленія, при своихъ традиціяхъ и принципахъ, враждебныхъ этому обновленію, кончало свое существованіе. Невѣжество было главной причиной всего этого. Кончали свое историческое бытіе только извѣстная политическая система, государственные принципы и форма, но не народность. Народность, при всей своей грубости, была сильна и крѣпка; это было поле, которое не отъ безсилія, не отъ истощенія почвы не могло производить хорошихъ плодовъ, но потому, что не было хорошаго посѣва.

Но были нѣкоторыя условія, благоприятныя для обновленія общественной и государственной жизни. Юго-западная Русь представляла относительно образованія болѣе отрадное зрѣлище, чѣмъ Московское государство: въ ней не чуждались науки, не считали ея несовмѣстной съ христіанскимъ смиреніемъ, не боялись ея, какъ родоначальницы ересей. Напротивъ, тамъ въ XVI столѣтіи пришли уже къ заключенію, что нужно заводить школы, чтобы отстоять русскую національность и православіе отъ вліянія Польши и католичества. При болѣе развитомъ городскомъ устройствѣ, общинахъ (братствахъ) удастся взять инициативу устройства школъ въ свои руки; являются школы въ различныхъ городахъ (Кіевѣ, Вильнѣ, Луцкѣ и др.). Правда, и здѣсь образованіе носитъ чисто церковно-религіозный характеръ, что соотвѣтствовало главной цѣли учрежденія ихъ приготовить борцовъ за православіе; но вспомнимъ, что на сѣверо-востокѣ не только не было и такихъ школъ, но и самая грамотность была въ упадкѣ. Для исторіи русскаго просвѣщенія особенно важна школа, основанная въ Кіевѣ Богоявленскимъ братствомъ, которая въ 1631 году была преобразована Петромъ Могилою въ сравнительно высшее учебное заведеніе и стала называться Кіево-Могилянскою коллегіей. Отсюда вышло много способныхъ борцовъ за православіе и національность. Отсюда мало-по-малу стало заходить просвѣщеніе и на сѣверо-востокъ. Въ 1633 году патріархъ Филаретъ устроилъ первое училище при Чудовомъ монастырѣ, извѣстное подъ названіемъ Патріаршей школы, единственной тогда во всемъ Московскомъ государствѣ.

Затѣмъ благочестивый бояринъ Ртищевъ, устроивъ близъ Москвы Спасо-Преображенскую пустынь для кіевскихъ мона-

ховъ, вздумалъ завести при ней ученое братство для перевода книгъ, полезныхъ церкви. Въ это время были вызваны изъ Кіева Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій. Первый былъ нѣсколько лѣтъ учителемъ Патріаршей школы, главнымъ справщикомъ въ московской типографіи и единственнымъ проповѣдникомъ въ Москвѣ (другимъ священникамъ позволялось только читать переводныя слова святыхъ отцовъ, а говорить собственные проповѣди строго воспрещалось) ¹⁾. Наконецъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ задумалъ основать эллино-греческое училище. Оно было устроено первоначально для поддержанія греческаго образованія, пришедшаго въ совершенный упадокъ на востокѣ; но черезъ нѣсколько времени оно подъ именемъ славяно-греко-латинской академіи дѣлается разсадникомъ просвѣщенія въ Россіи. Начало дѣятельности этой академіи относится уже ко времени Петра. И въ свѣтскомъ быту является новая струя. Лучшіе московскіе люди начинаютъ сознавать необходимость реформъ. Уже съ Іоанна III въ значительномъ числѣ призываются иностранцы. Главною причиною призыва ихъ было все болѣе и болѣе проясняющееся сознаніе своей несостоятельности въ удовлетвореніи матеріальнымъ потребностямъ жизни: русскіе не умѣли строить каменныхъ зданій, добывать руду, лить пушекъ, чеканить монету и т. п. Отсутствіе всякихъ техническихъ знаній являлось всею сказывалось въ частыхъ войнахъ съ болѣе образованными сосѣдями. При Борисѣ Годуновѣ являются уже цѣлые отряды иностранцевъ въ русской службѣ. Борисъ затѣваетъ завести училища и обучать въ нихъ иностраннымъ языкамъ, но встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе со стороны духовенства. При царѣ Алексѣѣ уже цѣлая слобода въ Москвѣ заселена иностранцами (нѣмцами). Большая часть русскихъ, пользуясь услугами иноземцевъ, все-таки смотрѣла на нихъ свысока, какъ на своихъ наемниковъ и притомъ еретиковъ, не имѣвшихъ того знанія, которое вело къ спасенію души: учиться у такихъ людей, по понятіямъ большинства, православнымъ не пристало. Но были и такіе, которые увлекались иноземнымъ, которыхъ уже не могла удовлетворять окружающая ихъ жизнь. Типъ русскаго боярина съ его дородствомъ

¹⁾ Макарій Булгаковъ. Исторія Кіевской Академіи. Стр. 32-34.

отъ сытныхъ обѣдовъ и сонливой, бездѣятельной жизни, съ его величавой фигурой въ азіатской одеждѣ, съ важной, медленной походкой, съ его умѣньемъ важно молчать въ царской думѣ и неумѣньемъ подписать свое имя—уже не могъ нравиться всѣмъ. Не могла уже нравиться всѣмъ и русская красавица, полная, бѣлая, румяная, выросшая взаперти, въ терему, воспитанная среди сказочницъ, дурь и шутихъ и потому крайне застѣнчивая, разумомъ простоватая и на отвѣты несмышленная. Не могъ уже удовлетворить всѣхъ въ средѣ духовенства некнижный простецъ, который едва брелъ по книгѣ и могъ научить только, какъ креститься, какъ прикладываться къ образамъ, какъ ѣсть просфору. Не могъ уже онъ увлекать всѣхъ даже при его героизмѣ, готовности пострадать изъ-за буквы.

Людей, которые, подобно Котошихину, видѣли или, лучше сказать, чувствовали несостоятельность московской жизни, было не мало. Даже были уже случаи крайняго увлеченія иноземнымъ: встрѣчались русскіе люди, которые начинали тяготиться своимъ пребываніемъ въ Россіи. Князь Ив. Голицынъ высказываетъ такое опасеніе: «Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя ради ихъ прелести: одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины лучшихъ людей ¹⁾».

Политическая задача этихъ лучшихъ людей Московскаго царства — сближеніе съ образованной Европой вполне опредѣлилось; даже и путь къ выполненію ея былъ намѣченъ Іоанномъ IV, стремившимся къ балтійскимъ берегамъ. Для того, чтобы понять, что при московскомъ государственномъ и общественномъ строѣ эту задачу очень трудно выполнить, не требовалось глубокаго политическаго соображенія; но, чтобы приняться за нее, нуженъ былъ практическій умъ и могучій, рѣшительный характеръ. Выполнить эту задачу пришлось Петру Великому.

Отъ природы живой, впечатлительный, дѣятельный, Петръ не испыталъ на себѣ, къ счастью, того односторонняго воспитанія, какое обыкновенно получали царевичи. Пользуясь большею свободой, онъ въ ранней юности имѣлъ возможность чаще

¹⁾ Соловьевъ. т. IX, стр. 470.

встрѣчаться съ людьми новаго направленія. Нѣмецкая слобода была ему хорошо знакома: здѣсь онъ находитъ больше пищи для своей любознательности, чѣмъ въ средѣ придворныхъ бояръ. Наконецъ его дѣтскія впечатлѣнія, которыя обыкновенно бывають сильны и очень живучи, заставляли его питать личное нерасположеніе къ старому строю жизни.

Петръ довольно рано замѣтилъ то жалкое положеніе, въ которомъ находилось образованіе въ Россіи. Въ 1698 (1699) 4 октября Петръ, посѣтивъ патріарха Адріана и въ бесѣдѣ съ нимъ высказавъ свое недовольство на то, что въ священники ставятся малограмотные, выразилъ желаніе, чтобы священники были доводимы до такого знанія, чтобы могли вразумлять «къ любви Божіей» православныхъ и просвѣщать иновѣрцевъ, которые не знаютъ Творца Господа (татаръ, Мордву, Черемису). Затѣмъ Петръ совѣтуетъ посылать для обученія въ кіевскія школы, наконецъ, улучшить училище въ Москвѣ. Въ сущности оказывается, что дѣло идетъ не объ улучшеніи только, но о преобразованіи, потому что Петръ высказываетъ такое желаніе: «изъ школы бы во всякія потребности люди, благоразумно учася, происходили, въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовать, знати строеніе и докторское (врачевское) искусство» ¹⁾.

Въ этихъ словахъ Петръ ясно высказываетъ мысль, что государство не можетъ уже удовлетворяться исключительно церковно-религіознымъ образованіемъ, важность котораго Петръ вполне признавалъ. Для государства нужны были не только хорошіе священники, но и свѣдущіе чиновники, офицеры, архитекторы, медики и проч. И вотъ Петръ думаетъ вмѣсто существующаго въ Москвѣ училища (эллино-греческаго), устроить учебное заведеніе, которое совмѣщало бы въ себѣ нѣсколько специальныхъ училищъ. Извѣщеніе Адріана, въ которомъ передается эта бесѣда, оканчивается словами, знаменующими уже новое время, новый взглядъ на науку: «велія злоба отъ дьявола и козни его на люди, еже бы наука благоразумная гдѣ-либо не возымѣла мѣста».

Желаніе Петра не только не было приведено въ исполненіе

¹⁾ Устряловъ, т. III, 511-512.

при жизни Адриана, но и существовавшая школа его болѣе и болѣе приходила въ упадокъ ¹⁾).

Для вѣрной оцѣнки распоряженій Петра относительно школъ надо указать на тѣ обстоятельства, которыя могли оказать влияние на него въ этомъ отношеніи, которыя или могли наводить его на мысль объ училищахъ, или уясняли ему значеніе воспитательно-учебнаго дѣла и, такимъ образомъ, прямо или косвенно, содѣйствовали учрежденію или устройству школъ. Самъ Петръ не получилъ правильнаго воспитанія и образованія. Почти все, что онъ зналъ, было приобрѣтено имъ самимъ и уже въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ располагаетъ самъ собою.

Война со Швеціей и политика не позволяли ему долгое время сосредоточить много вниманія на школѣ. Во время путешествій за границу не видно, чтобы онъ интересовался собственно учебно-воспитательными заведеніями; при посылкахъ молодыхъ людей за границу педагогическихъ цѣлей въ виду вовсе не было. Но при всемъ этомъ нѣкоторыя обстоятельства должны были болѣе или менѣе наталкивать вниманіе Петра на обученіе и воспитаніе. Петру рано пришлось уже озаботиться воспитаніемъ своего сына, царевича Алексѣя. Царь не могъ найти на Руси людей, годныхъ къ выполненію этого дѣла. Это обстоятельство навело его на мысль отправить сына за границу для воспитанія; но потомъ онъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Сначала воспитаніе царевича было поручено Нейгебауеру, а потомъ съ 1703 г. барону Гюйсену, человѣку, получившему высшее университетское образованіе. Гюйссенъ написалъ инструкцію (наказъ) для воспитанія и обученія царевича, которому было въ это время уже тринадцать лѣтъ. Этотъ наказъ былъ прочтенъ и одобренъ самимъ Петромъ.

Инструкція Гюйсена трактуетъ о воспитаніи и обученіи царевича. Въ основу воспитанія положено развитіе религіознаго чувства, страха Божія. Это поручается иновѣрному наставнику. Развитіе хорошихъ нравственныхъ качествъ наказъ совѣтуетъ производить положительнымъ путемъ, направляя вниманіе питомца на нихъ, и отрицательнымъ, указывая гибельныя послѣдствія отклоненія отъ нихъ. Далѣе наказъ требуетъ, чтобы всѣ

¹⁾ Соловьевъ, XV, 117.

люди, окружающіе царевича, старались своимъ личнымъ примѣромъ направить его ко всему хорошему; совѣтуетъ воспитателю дѣйствовать болѣе убѣжденіемъ и разсужденіемъ, чѣмъ укорами и жестокостью. До начала и по окончаніи ученія царевичъ долженъ былъ читать Библію такъ, чтобы Ветхій Заветъ былъ пройденъ однажды, а Новый два раза. Въ теченіе шести мѣсяцевъ долженъ былъ изучаться французскій языкъ, какъ легчайшій и болѣе употребительный. При этомъ имѣлось въ виду собственно практическое изученіе языка: ближайшіе къ царевичу люди должны были говорить съ нимъ по-французски. Затѣмъ должно было царевича пріохочивать постепенно въ свободное время къ географіи, показывая и объясняя ему иллюминированныя карты Янниотова атласа,—также пріучать понемногу къ употребленію циркуля и изученію ариметики и геометріи. Чтобы развить воспитанника физически, предполагалось упражнять его въ штурмованіи (?), танцованіи и конской ѣздѣ, а для забавы занимать гимнастическими играми. Черезъ 6 мѣсяцевъ, когда царевичъ будетъ въ состояніи понимать французскихъ авторовъ, начать изученіе исторіи и географіи, какъ истинныхъ основаній политики. Начать исторію слѣдовало съ изученія Буоновой идеи исторіи общей, затѣмъ изучать Пуффендорфово введеніе въ исторію главнѣйшихъ государствъ; при этомъ читать съ царевичемъ французскіе куранты и во время чтенія дѣлать въ разговорахъ замѣчанія политическія, географическія и нравоучительныя. На ряду съ этимъ полагалось преподавать ариметику и геометрію, учить слогу и чистописанію, читать сочиненіе Пуффендорфа о должности человѣка и гражданина («Le droit civil dans l'ordre naturel»), Фенелонова «Телемака» и обучать военнымъ экзерциціямъ (ружейнымъ приемамъ и строевымъ эволюціямъ). Все это общее образованіе, по мнѣнію Гюйсена, могло быть окончено въ два года. Послѣ этого слѣдовало изложить царевичу о всѣхъ политическихъ дѣлахъ въ свѣтѣ, объ истинной пользѣ государствъ, объ интересахъ всѣхъ государей въ Европѣ, особенно же пограничныхъ съ Россіей, о всѣхъ хорошихъ государственныхъ правилахъ, о всѣхъ военныхъ искусствахъ, фортификаціи, артиллеріи, объ атакахъ и оборонахъ крѣпостей, о бояхъ, воинскихъ правилахъ, также объ архитектурѣ граждан-

ской, навигаціи. Наконецъ Гюйссенъ совѣтуетъ заблаговременно составить для царевича хорошую библіотеку изъ французскихъ книгъ ¹⁾).

Этотъ наказъ, прочтенный и одобренный Петромъ, могъ пробудить въ немъ сознаніе, если его не было, о важности не только обученія извѣстнымъ знаніямъ, но и самаго воспитательно-учебнаго дѣла; хотя съ другой стороны мысль Гюйссена окончить общее образованіе въ два года и сообщить въ это время такую массу знаній показываетъ, что онъ былъ довольно плохой педагогъ.

Государственныя дѣла первой важности отвлекли Петра отъ надзора за воспитаніемъ сына; былъ отвлеченъ и Гюйссенъ, которому въ началѣ 1705 года дано было другое назначеніе, и онъ долженъ былъ отправиться въ Германію. Занятый борьбой съ Карломъ XII, Петръ если и пріѣзжалъ въ Москву, то на самое короткое время. Воспитаніе царевича осталось въ небреженіи. Какъ исполнялся на дѣлѣ планъ Гюйссена, видно изъ слѣдующихъ донесеній Вяземскаго государю: въ началѣ 1708 года Н. Вяземскій писалъ, что царевичъ изучаетъ нѣмецкій языкъ и больше всего твердитъ склоненія, и что учитель говорить: «Недѣли двѣ будемъ твердить одного нѣмецкаго языка, чтобы изучить склоненія, а затѣмъ будемъ учить французскаго языка и ариѳметики». Донесеніемъ отъ 17 марта 1708 г. Вяземскій извѣщаетъ Петра, что сынъ его (уже 17 лѣтъ) твердо знаетъ четыре ариѳметическія дѣйствія («цифири четыре части имѣетъ въ твердости») ²⁾. Говоря о тѣхъ обстоятельствахъ, которые могли прямо или косвенно содѣйствовать возникновенію школъ и распространенію знаній въ Россіи, конечно, нельзя умолчать объ отношеніяхъ Лейбница къ Петру.

Знаменитый философъ и многосторонній ученый интересовался Россіей и собиралъ о ней свѣдѣнія еще тогда, когда въ Европѣ были неизвѣстны образовательныя стремленія Петра. Лейбницъ интересовался получить изъ Россіи какъ можно больше матеріаловъ для своихъ филологическихъ и этнографи-

¹⁾ Устряловъ, VI, 298-304.

²⁾ Ibid., стр. 307.

ческих соображений¹⁾. Но когда въ Европѣ стали извѣстны личность Петра и его желаніе ввести Россію въ семью европейскихъ государствъ, Лейбницъ принялъ близко къ сердцу дѣло просвѣщенія Россіи. Онъ былъ убѣжденъ съ одной стороны, что прогрессъ въ обществахъ человѣческихъ всего болѣе зависѣлъ отъ личной инициативы государей, а съ другой стороны, что Россія представляла относительно просвѣщенія непочатое поле (*tabula rasa*), такъ что на ней можно осуществить лучшія теоріи, избѣгнуть тѣхъ недостатковъ, которые обнаружилились въ учебныхъ заведеніяхъ низшихъ и высшихъ въ Германіи. Мысль содѣйствовать Россіи такъ полюбилась ему, что одно время онъ самъ хотѣлъ явиться въ Россію миссіонеромъ просвѣщенія²⁾. Послѣ долгихъ напрасныхъ попытокъ Лейбницу наконецъ удалось свидѣться въ 1711 г. съ Петромъ въ Торгау. Слѣдствіемъ этого свиданія была грамота Петра 1712 г., данная Лейбницу. Лейбницъ принимался въ русскую службу въ чинѣ тайнаго совѣтника съ назначеніемъ жалованья по тысячѣ ефимковъ въ годъ,—въ надеждѣ что онъ будетъ содѣйствовать русскому правительству «ко умноженію математическихъ и иныхъ искусствъ и произыскиванію исторіи и къ приращенію наукъ».

Въ это время Лейбницъ въ письмахъ и проектахъ, адресованныхъ къ самому царю или къ близкимъ ему лицамъ, высказываетъ и взгляды на государственное устройство и на средства распространить образованіе въ Россіи. Извѣстно, что нѣкоторые его проекты, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями, были приняты (напр., коллегіальное устройство администраціи, академія наукъ). Это обстоятельство, какъ и грамота, данная ему, убѣждаютъ въ томъ, что его проекты обращали на себя большое вниманіе самого Петра и его сотрудниковъ. Остановимся на тѣхъ мѣстахъ его писемъ и проектовъ, въ которыхъ съ большей полнотой высказываются его взгляды на воспитаніе и обученіе. Вотъ начало записки, поданной Лейбницемъ Урбиху, русскому резиденту въ Вѣнѣ, для передачи ея Петру. Записка эта писана еще въ 1708 г., слѣдовательно, еще до принятія Лейб-

¹⁾ Герье. Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру, стр. 2.

²⁾ Герье, стр. 25, 65, 74, 89 и 123.

ница въ русскую службу. Она замѣчательна тѣмъ, что Лейбницъ высказываетъ свой философскій взглядъ на значеніе науки и образованности: «Истинную цѣль науки составляетъ блаженство людей, т. е. состояніе постоянного удовлетворенія, насколько это возможно для человѣка, причемъ они не должны жить въ праздности и роскоши, но содѣйствовать, всякій по своимъ силамъ, прославленію Господа и общественному благу нелицемѣрною добродѣтелью и познаніемъ истины. Средство, съ помощью котораго можно повести людей на этотъ путь добродѣтели и счастія, заключается въ хорошемъ воспитаніи юношества. Посредствомъ воспитанія можно даже у животныхъ дѣлать чудеса, тѣмъ болѣе у людей, которые отъ Господа получили бессмертную душу и созданы по Его образу и подобію. Юношество можно такъ вести, чтобы вселить въ него любовь къ добродѣтели и наукѣ; взрослыхъ же, которые не получили такого воспитанія, нужно сдерживать страхомъ наказанія; съ ними приходится имѣть много терпѣнія, и имъ слѣдуетъ многое прощать». Далѣе говорится о способахъ вводить и распространять научное знаніе въ Россіи, указывается на необходимость библіотекъ, музеевъ, кунсткамеръ, различныхъ коллекцій и проч. Въ концѣ записки говорится: «Необходимо учрежденіе особенной вліятельной коллегіи съ обширнымъ кругомъ власти, отъ которой бы зависѣли до извѣстной степени высшія и низшія учебныя заведенія, назначеніе ученыхъ, книжное дѣло, типографіи, переводы, цензура книгъ, а также художники и ремесленники съ ихъ произведеніями». Въ этихъ словахъ Лейбницъ указываетъ на важное значеніе представителей наукъ (академіи наукъ) для общественной жизни. Эта мысль Лейбница не осуществилась на дѣлѣ.

Затѣмъ въ другой пространной запискѣ, уже 1716 года, составленной для исполненія обѣщанія, даннаго Шафирову, опять говорится о библіотекѣ, ботаническихъ и зоологическихъ садахъ, акваріи, анатомическомъ театрѣ, какъ о необходимыхъ средствахъ для распространенія наукъ, и затѣмъ авторъ говоритъ объ устройствѣ школьной части и при этомъ высказываетъ довольно опредѣленно свои педагогическіе взгляды¹⁾. Лейб-

¹⁾ Герье, 190-192.

ницъ не сочувствовалъ современной ему педагогикѣ, которая обращала главное вниманіе на формальное развитіе и возводила латинскій языкъ на степень живого языка. Лейбницъ въ дѣлѣ воспитанія былъ реалистомъ, постоянно настаивалъ на сближеніи науки съ жизнью. Онъ считалъ нужнымъ дать въ школѣ болѣе мѣста практическому элементу и обратить больше вниманія на физическое воспитаніе. Лейбницъ считалъ необходимыми заведенія трехъ родовъ, смотря по возрасту тѣхъ, для кого они предназначались: школы для дѣтей, университеты для юношества, и академіи для взрослыхъ людей, самостоятельно разрабатывающихъ науку. Школа, по его мнѣнію, должна имѣть три цѣли: нравственное воспитаніе, обученіе языкамъ и обученіе художествамъ (Kunst). Подъ послѣдними разумѣются науки въ противоположность языкамъ и физическое воспитаніе. Относительно перваго, школа должна развивать въ дѣтяхъ религіозность, доброту, послушаніе, честность и т. д. Относительно обученія языкамъ Лейбницъ совѣтуетъ дѣтей, предназначенныхъ для какого-нибудь ремесла, обучать только русскому языку, тѣхъ же, которые готовятся къ торговлѣ,—кромѣ русскаго,—латинскому и нѣмецкому; желающимъ получить высшее образованіе, кромѣ того, слѣдуетъ заниматься греческимъ, а также французскимъ и итальянскимъ языками. Мальчики, предназначенные для духовнаго званія, по мнѣнію Лейбница, должны были учиться еврейскому языку. Лейбницъ полагалъ также, что тѣ, которые готовились къ ученому званію и къ занятію высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ должностей, должны были имѣть свѣдѣнія и въ арабскомъ языкѣ. Близость востока и сношенія съ нимъ русскихъ, по мнѣнію Лейбница, дѣлали изученіе арабскаго языка весьма важнымъ для русскихъ. Къ предметамъ, служащимъ для третьей цѣли (обученія художествамъ), Лейбницъ относитъ катихизисъ, основанія логики, музыки, ариеметику, рисованіе, ручныя работы, напимѣръ, токарное искусство и рѣзбу, геометрію, главныя основанія хозяйства, фехтованіе и верховую ѣзду, смотря по свойствамъ и наклонностямъ cadaго. Дѣти, готовящіяся къ ремесленнымъ и торговымъ занятіямъ, должны оставаться въ школахъ до двѣнадцати и четырнадцатилѣтняго возраста, остальные до восемнадцати-

лѣтняго. По окончаніи курса въ школѣ, молодыхъ людей, предназначенныхъ въ военную службу, слѣдуетъ посылать въ гарнизоны и гавани для практическаго изученія ихъ специальностей, а готовящихся въ гражданскую службу въ университеты или дворянскіе институты (Ritterrkardemine). Лейбницъ считалъ нужнымъ устроить въ самомъ университетѣ коллегіи, или бursы, гдѣ бы былъ надзоръ за молодыми людьми. Вѣроятно, ему правилось болѣе устройство англійскихъ университетовъ. Въ университетахъ каждый студентъ, несмотря на различіе факультетовъ, долженъ былъ нѣкоторое время посвятить своему общему образованію, и такъ какъ ничто, по мнѣнію Лейбница, не содѣйствуетъ такъ умственному развитію, какъ математическія науки, то всякій студентъ, какого бы факультета онъ ни былъ, долженъ былъ посѣщать нѣсколько времени лекціи математики и механики. Говоря объ устройствѣ отдѣльныхъ факультетовъ, Лейбницъ высказываетъ свое практическое, утилитарное направленіе: вездѣ, гдѣ можно, онъ имѣетъ въ виду практическое примѣненіе науки къ жизни. Постоянно имѣя въ виду связь науки съ жизнью и огромную важность первой для послѣдней, Лейбницъ, совершенно естественно, долженъ былъ высоко цѣнить общественное значеніе ученыхъ и учителей и съ полнымъ правомъ требовать, чтобы не держали ихъ въ черномъ тѣлѣ, какъ въ тогдашней Германіи, но поставили бы профессоровъ наравнѣ съ высшими чиновниками въ главныхъ городахъ и при дворѣ, а учителей—съ высшими чиновниками въ провинціи.

Насколько можно судить изъ приведеннаго, Лейбницъ придерживался болѣе утилитарнаго характера въ образованіи. Обученіе языкамъ у него имѣетъ въ виду неформальное развитіе, а реальное знаніе ихъ, знаніе, необходимое и въ житейскомъ быту (въ торговлѣ, въ сношеніяхъ съ иностранцами) и въ научной дѣятельности. Утилитарное направленіе Лейбница видно и въ томъ, что онъ вводитъ въ число предметовъ обученія основанія хозяйства, ручныя работы, напримѣръ, токарное искусство, рѣзбу и т. д. Самое физическое воспитаніе было приурочено къ такимъ занятіямъ, которыя въ то время, когда преобладала военная служба, могли быть полезны и внѣ школы,—къ фехтованію и верховой ѣздѣ. Справедливость требуетъ сказать,

что не было забыто совѣтъ и формальное развитіе: собственно для него назначалось преподаваніе логики. Преподаваніе ариѳметики и геометріи, имѣя и реальныя цѣли, конечно, должно было также очень содѣйствовать ему. Изъ того, что студентамъ университетовъ совѣтовалось заниматься нѣсколько времени своимъ общимъ образованіемъ, видно, что Лейбницъ не отводилъ ему особенно виднаго мѣста въ низшихъ и среднихъ школахъ, считая его какъ бы достояніемъ людей, получающихъ высшее образованіе. Конечно, не всему, что высказалъ Лейбницъ, можно сочувствовать въ наше время, но нѣкоторые его взгляды заслуживаютъ вниманія; напримѣръ, мысль связать науку съ жизнью, связать органически академію наукъ съ обществомъ, поставивши въ прямыя отношенія къ представителямъ науки учебное дѣло и распространеніе знаній въ обществѣ, вполне достойна великаго мыслителя. Если бы осуществилась вполне эта мысль, то наука выиграла бы въ жизненности, а общество — въ просвѣщеніи.

Педагогическіе взгляды свои Лейбницъ болѣе или менѣе высказываетъ и въ другихъ письмахъ въ Россію; наконецъ, онъ имѣлъ возможность сообщить ихъ и самому Петру, особенно во время пребыванія его въ Пирмонтѣ. Во всякомъ случаѣ по распоряженіямъ Петра относительно школъ можно думать, что письма и проекты Лейбница не прошли безслѣдно для русскаго образованія. Прежде всего Петръ Великій обратилъ вниманіе на образованіе духовенства. Невѣжество въ этомъ сословіи было опаснѣйшимъ врагомъ преобразовательныхъ стремленій Петра. Онъ рано могъ замѣтить относительно церкви «много нестроенія» и «великую въ дѣлахъ скудость». Теофанъ Прокоповичъ, правая рука Петра по церковнымъ дѣламъ и вѣрный истолкователь предъ народомъ дѣлъ и намѣреній Петровыхъ, говоритъ въ Духовномъ Регламентѣ: «Когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію, нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ и безумнымъ ересямъ». Печальнымъ состояніемъ образованности духовенства Регламентъ объясняетъ происхожденіе и изувѣрства раскола. Мы видѣли, что Петръ уже въ бесѣдѣ съ Адріаномъ высказалъ свое желаніе, чтобы на образованіе духовенства было обращено больше

попеченій. Но при жизни Адріана и существующее эллино-греческое училище пришло въ совершенный упадокъ. Это ясно видно изъ письма Курбатова къ Петру въ октябрѣ 1700 года: «Школа, бывшая подъ надзоромъ патріарха и управленіемъ монаха Палладія, въ разстройствѣ: ученики, числомъ 150, очень недовольны, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться: потолоки и печи обвалились» ¹⁾. Кромѣ того, непрерывная смѣна наставниковъ въ этой школѣ, послѣ Лихудовъ, сокращеніе предметовъ ученія и гоненіе на греческій языкъ указывали на упадокъ ея. Въ такомъ положеніи была она, когда Петръ въ 1701 году ввѣрилъ ее попеченію Стефана Яворскаго, который принялъ титулъ протектора ея. Школа эта была преобразована совершенно по образцу Кіевской академіи: вмѣсто греческаго языка, преобладающимъ (по указу Петра іюля 7-го 1701 г.) сдѣлался латинскій языкъ, господствовавшій тогда въ наукѣ. Преобразованная славяно-латинская академія сначала имѣла наставниковъ изъ Кіева, которые внесли въ нее всѣ порядки въ преподаваніи и воспитаніи, весь духъ Кіевской академіи. Такъ какъ изъ этихъ двухъ академій выходило большинство наставниковъ въ различныя школы не только времени Петра, но и позднѣйшія, то понятно, что академіи имѣли поэтому огромное вліяніе на ходъ русскаго школьнаго обученія и воспитанія въ XVIII вѣкѣ. Считаемо нелишнимъ остановиться немного на нихъ и привести изъ ихъ исторіи нѣсколько наиболее характерныхъ чертъ. Изъ исторіи Кіевской академіи видимъ, что Кіево-Могилянская коллегія была устроена по образцу іезуитскихъ коллегій. Характеръ преподаванія былъ схоластическій, особенно въ философскомъ и богословскомъ классахъ. Чтобы дойти до этихъ классовъ, надо было пройти подготовительные классы, грамматическіе, піитику, риторику. По окончаніи каждой трети года ученикамъ низшихъ классовъ производились экзамены. Въ старшихъ классахъ (философіи и богословіи) не было испытаній; но зато были диспуты по субботамъ; въ концѣ же cadaго года происходили диспуты публичные. Латинскій языкъ здѣсь процвѣталъ: на немъ излагались всѣ

¹⁾ Соловьевъ, т. XV, стр. 117.

науки, кромѣ славянской грамматики и православнаго катихизиса; на немъ писались ученическія сочиненія, производились диспуты.

Латинскій языкъ былъ обязателенъ въ разговорахъ въ-классныхъ¹⁾. Существовали особые листки (*calculi*), вложенные въ деревянные футляры. На такомъ листкѣ записывалось имя ученика, который въ разговорѣ по-латыни ошибался или употреблялъ хотя одно слово не латинское. Этотъ листокъ оставался у того, кто провинился, до тѣхъ поръ, пока ему не удавалось передать его другому, пойманному въ промахѣ. Особенно было плохо тому, у кого этотъ листокъ оставался на всю ночь: тогда на листкѣ отмѣчалось: «*pernoctavit apud dominum N*», и злосчастный «*dominus*» подвергался строгому наказанію. Вторымъ по важности считался славянскій языкъ; на низшей степени былъ греческій языкъ. На латинскомъ языкѣ дѣлались очень часто упражненія (*occupationes*). На многихъ письменныхъ работахъ ученики дѣлали надписи: «*de erratis*», «*de calligraphia*», «*de diligentia*». Это значило, что ученикъ хочетъ превзойти кого-либо изъ своихъ товарищей въ правописаніи или прилежаніи и занять лучшее мѣсто въ классѣ. Особенно характерны надписи: «*de pane*», «*candella*», «*indusio*», «*calceis*», и т. п. Эти слова заставляли бѣдняковъ надписывать нужда въ хлѣбѣ, рубашкѣ или обуви. Если работа съ подобной надписью была хороша, преподаватель въ пользу автора взыскивалъ требуемое съ учениковъ достаточныхъ, но лѣнивыхъ и безуспѣшныхъ. Для спрашиванія уроковъ назначались изъ учениковъ старшіе (*auditores*), которые отмѣчали степень знанія подчиненныхъ имъ учениковъ въ особые списки (нотаты). По субботамъ производилась расправа съ лѣнивыми. Въ классахъ сидѣли по успѣхамъ: лучшіе занимали передній столъ, который назывался «*senatus*». Изъ приведеннаго видно, что іезуитская система воспитанія, основанная главнымъ образомъ на возбужденіи соревнованія, сильно отразилась на характерѣ воспитанія въ Кіевской академіи. Во всѣхъ главныхъ чертахъ Московская академія сходилась съ Кіевской. Въ исторіи первой находимъ

¹⁾ Макарій Булгаковъ. Исторія Кіевской Духовной Академіи, стр. 59 и 75.

нѣкоторыя подробности относительно преподаванія. Въ низшемъ классѣ (или школѣ, какъ обыкновенно тогда говорилось) учили славяно-русскому языку—это была приготовительная школа. Учителемъ ея обыкновенно назначался студентъ богословія или философіи. Въ этомъ классѣ обучались азбукѣ, слову, псалтыри и письму. Этотъ классъ былъ самый многочисленный. Во второмъ классѣ, или школѣ (фара, или аналогія), учили читать и писать по-латыни. Третій классъ (инфима) занимался изученіемъ первыхъ грамматическихъ правилъ славяно-русскаго и латинскаго языковъ. Учитель слѣдующаго класса (грамматика) продолжалъ преподавать первую часть латинской грамматики и всю славянскую. Духовный Регламентъ требовалъ, чтобы при переводахъ брались такія статьи, которыя могли бы дать понятіе ученикамъ о географіи и исторіи. Въ грамматическомъ же классѣ начинали преподаваніе ученія катехизическаго и ариометики. Затѣмъ слѣдовалъ высшій грамматическій классъ (синтаксима); здѣсь преподавался синтаксисъ латинскій, и продолжалось изученіе катихизиса, ариометики и географіи съ исторіей (при переводахъ съ латинскаго языка). Закончивши здѣсь грамматику, ученики переходили въ слѣдующіе классы: піитику, потомъ риторику. Въ обоихъ этихъ классахъ ученики должны были дѣлать очень часто практическія упражненія. Затѣмъ слѣдовали курсы философскій и богословскій; въ первомъ префектъ академіи училъ логикѣ, физикѣ, метафизикѣ и политикѣ, а во второмъ—ректоръ преподавалъ богословіе ¹⁾. Курсъ богословія продолжался четыре года, философіи—два, піитики и синтаксисы—по одному; въ прочихъ школахъ могли переходить изъ низшихъ въ высшіе черезъ полгода или по прошествіи трети. Ломоносовъ, какъ извѣстно, прошелъ въ одинъ годъ три класса. Можно также было и сидѣть по нѣсколько лѣтъ въ одномъ классѣ: были личности, которыя кончали курсъ черезъ 20 лѣтъ послѣ поступленія; и потому нерѣдко случалось, что студенты богословія при окончаніи курса имѣли по 35 лѣтъ и болѣе. Относительно классной жизни здѣсь находимъ такой же порядокъ, какъ и въ Кіевской академіи: тѣ же,

¹⁾ Смирновъ. Исторія Моск. Дух. Академіи, стр. 109.

аудиторы, нотаты, непремѣнные разговоры на латинскомъ языкѣ, тѣ же occupationes и диспуты философовъ и богослововъ. И здѣсь схоластика господствовала во всей силѣ, приучая умъ къ утонченнымъ и бесполезнымъ изслѣдованіямъ. Для рѣшенія задавались по богословію, напримѣръ, такіе вопросы: гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? какъ они мыслятъ и понимаютъ,—посредствомъ соединенія, различенія или какъ-нибудь иначе? какимъ образомъ они сообщаютъ другъ другу свои мысли? сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? и т. п. ¹⁾ Разборы подобныхъ вопросовъ должны были дѣлаться по одному и тому же, заранее данному, рецепту. Методъ въ изложеніи наукъ философскихъ тоже схоластическій: форма господствуетъ надъ содержаніемъ. Болѣе вниманія обращается на то, чтобы доказательства были построены по формѣ правильно, по извѣстной программѣ. Схоластика не дѣлала особеннаго различія между главными вопросами науки и второстепенными; чѣмъ вопросъ былъ замысловатѣе, чѣмъ болѣе давалъ возможности выказать діалектическую тонкость ума, тѣмъ онъ долженъ былъ болѣе нравиться истому схоласту. Систематика доведена была до крайности; содержаніе науки было разобщено на мельчайшіе отдѣлы и подраздѣленія. Расчлененная до послѣдней степени наука мало дѣйствовала на умъ, но крайне бременила память. Особенно въ этомъ отношеніи страдала схоластическая логика. Въ основаніи философскаго преподаванія лежали сочиненія Аристотеля въ разработкѣ средневѣковыхъ схоластовъ. Читались: физика (умозрительная), метафизика, психологія и иѳика. Физика разсуждала, между прочимъ, о дѣйствующей причинѣ сотворенной и несотворенной, о томъ, какъ Богъ вступаетъ въ сношеніе съ тварями, о твореніи, сохраненіи, о причинахъ формальной и конечной и т. п. Въ психологіи разрѣшались вопросы въ родѣ слѣдующихъ: отчего у стариковъ выпадаютъ волосы, отчего у женщинъ не растетъ борода и проч. ²⁾ Риторика словно старалась сдѣлать излишнимъ талантъ. Она не была изложеніемъ законовъ краснорѣчія,

¹⁾ Ibid., стр. 144.

²⁾ Ibid., стр. 165.

научнымъ образомъ выведенныхъ изъ лучшихъ образцовъ, а задавалась фальшивой цѣлью научить краснорѣчію, и потому обращалась въ схоластическіе рецепты, по которымъ можно было составлять рѣчи. Кромѣ образцовъ упражненій всякаго рода, ученики должны были заучивать наборъ словъ и выраженій, относящихся къ украшенію рѣчи, должны были знать множество оборотовъ и все болѣе изъ міеологіи древнихъ. Заучивались списки словъ, содержащіе имена существительныя и прилагательныя, служація къ похвалѣ или порицанію (*nomina laudis et vituperii*). Преподаются правила, какъ похвалить цѣлую область, городъ, зданіе, садъ, растеніе и т. п. Заучивши всѣ эти правила, не трудно было и самому безталанному чело-вѣку написать рѣчь, которая была, по его мнѣнію, правильна, а слѣдовательно и хороша. Подобная риторика содѣйствовала обилію бездарныхъ, дѣланныхъ рѣчей. Піитика и грамматика также представляли собранія правилъ, которыя касались внѣшней формы стихосложенія и языка и должны были также усваиваться памятью. Схоластическій характеръ преподаванія, какъ извѣстно, почти до нашихъ временъ держался въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя, конечно, въ меньшей степени. Люди, богато одаренные, выходили изъ подобныхъ школъ съ сильно развитыми діалектическими способностями отъ безпрестанныхъ умозрительныхъ упражненій, съ привычкою къ громадному труду, хотя бы и сухому, и скучному, и когда случайно наталкивались на настоящую науку, то являлись въ ней замѣчательными дѣятелями. Но такихъ были десятки; сотни же, менѣе одаренныхъ, тупѣли и гибли безвозвратно, утративъ всякій умственный интересъ, и вынесли изъ школы только привычку умствовать да витійствовать. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ изъ академіи вышло немало полезныхъ дѣятелей для церкви и государства. Особенно важно было то, что въ академіяхъ давался ключъ къ наукѣ того времени—знаніе латинскаго языка. Тогда, какъ извѣстно, ученые трактаты писались преимущественно на латинскомъ языкѣ. Большинство учениковъ, не доходя до философіи, выходило изъ академіи и поступало въ другія спеціальныя заведенія, основанныя Петромъ. Но съ другой стороны много людей малоспособныхъ, Кутейкиныхъ, убоявшихся бездны

премудрости, выходило изъ грамматическихъ или риторическихъ классовъ и поступало въ наставники низшихъ школъ, учрежденныхъ при Петрѣ, и здѣсь они приносили значительную долю вреда учащимся своими способами преподаванія и принизили въ глазахъ общества на долгое время званіе учителя.

Петръ заботился о томъ, чтобы въ академію былъ открытъ доступъ всѣмъ желающимъ учиться, чтобы не старались ограничиваться извѣстнымъ числомъ ¹⁾. Желающихъ занять церковно-служительскія мѣста Петръ обязывалъ обучаться не только въ низшихъ классахъ, но и въ высшихъ латинскихъ или греческихъ школахъ. Кто же не выполнялъ этихъ требованій, тотъ не могъ получить мѣста священника или дьякона, не могъ поступить и въ подьячіе: ему предоставлялся только солдатскій чинъ (по указу 1708 г. Генваря 15 и 1710 г.) ²⁾. Особенно важенъ въ исторіи духовнаго образованія Духовный Регламентъ (1721 г. Генваря 25). Здѣсь во главѣ объ епископахъ выражено желаніе, чтобы всякій епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу для дѣтей священническихъ, или и другихъ, предназначенныхъ въ священничество. Требуется, чтобы учитель училъ здѣсь «не токмо чисто, ясно и точно въ книгахъ честь (что хотя нужно, обаче еще недовольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть». Епископъ, который поставилъ бы въ священничество или въ монашескую степень неученаго, грозило наказаніе по опредѣленію Синода. Чтобы родители не роптали за издержки на обученіе дѣтей (плата за ученіе, за книги, за содержаніе дѣтей вдали отъ дому), опредѣлялось, «чтобы ученики и кормлены и учены были даромъ (туне) и на готовыхъ книгахъ епископскихъ». На прокормленіе учениковъ обязаны были монастыри присылать $\frac{1}{20}$ часть получаемого ими хлѣба. Регламентъ этимъ не ограничивался, но выражалъ желаніе, чтобы преподаваніе по мѣрѣ возможности расширялось. По программѣ, предъявленной Регламентомъ, весь кругъ преподаванія въ полномъ его видѣ долженъ былъ оканчиваться въ 8 лѣтъ и представлялъ въ сокращенномъ видѣ все то, что проходило въ Московской академіи. Характерно наставленіе Регла-

¹⁾ Полн. собр. законовъ, т. IV, ст. 1870.

²⁾ Ibid., т. IV, ст. 2186 и 2308.

мента относительно испытанія желающихъ поступить въ эти заведенія. Требовалось испытать память и остроуміе держащаго экзамень, и если оказывался весьма тупъ, то не принимать въ академію, потому что напрасно лѣта потеряеть, не научится ничему и о себѣ возмечтаетъ, что онъ мудрый, «отъ таковыхъ», говоритъ Регламентъ, «нѣсть горшихъ бездѣльниковъ». А чтобы кто-нибудь изъ испытуемыхъ не прикидывался тупымъ, «желая отпуску въ домъ», какъ то дѣлають другіе, притворяясь немощными, чтобы отбыть отъ солдатства, то испытанію ума положить цѣлый годъ.

Задавшись слишкомъ большою задачею, Регламентъ, однако, прибавляетъ, что необходимо, чтобы былъ при академіи, «или въ началѣ и безъ академіи», семинаріумъ для ученія и воспитанія дѣтей. Ученики въ этихъ семинаріяхъ, по Регламенту, должны были содержаться подъ строгимъ надзоромъ. Отпуски были очень рѣдки и то съ большими предосторожностями: «До трехъ лѣтъ по приходѣ всякаго въ семинарію не испускать никуда, а и по третьемъ году не больше дважды въ годъ позволять выйти въ гости къ родителямъ или сродникамъ». При этомъ питомцевъ должны были сопровождать особые надзиратели (инспекторы). Такимъ образомъ, въ Регламентѣ является мысль объ учрежденіи семинарій, какъ подготовительныхъ къ академіи училищъ, въ видѣ закрытыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній. Но мысль устроить академіи или даже низшія училища, но съ опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, была неосуществима по недостатку учителей. Это видно изъ указа 1722 г. мая 31, въ которомъ отмѣняются, между прочимъ, постановленія 1714, 1716 и 1720 годовъ, опредѣлявшія, чтобы дѣти духовнаго званія были опредѣляемы въ арифметическія школы. Теперь было указано учить этихъ дѣтей въ архіерейскихъ школахъ. Въ этомъ указѣ сознается невозможность выполнить во всей полнотѣ то, что требовалъ Духовный Регламентъ, по недостатку учителей («за скудостью довольныхъ къ сему учителей»); и поэтому указывается учить въ архіерейскихъ школахъ дѣтей, предназначенныхъ въ духовное званіе («въ надежду священства опредѣленныхъ»), читать и писать; при этомъ указывалось, чтобы ученики изучали буквари и славянскія грамматики. Опять повторялось, что учить

должно «не только чисто, ясно и точно по книгамъ читать, но и разумѣть»; затѣмъ указъ прибавляетъ, чтобы учителя старались ученикамъ «оныя буквари въ твердую память положить, дабы изустно читать могли; и какъ уже тѣхъ букварей совершенно они изучатся и писать понавыкнуть, тогда начинать имъ во обученіе словенскую грамматику, какъ уже въ Новгородской епархіи такое въ школахъ и букварное тверженіе и грамматическое ученіе, не точію при архіерейскомъ домѣ въ великомъ Новѣ-городѣ, но и въ прочихъ городахъ и уѣздахъ дѣйствительно является». Наконецъ, указъ предписываетъ усердно радѣть о преподаваніи ариметики и нужнѣйшей части геометріи, «дабы они (ученики) обоихъ вышеозначенныхъ и церкви и гражданству потребныхъ наукъ были искусны». Такимъ образомъ, мы видимъ, что этотъ указъ представляетъ требованія, гораздо болѣе исполнимыя, чѣмъ предъявленныя Духовнымъ Регламентомъ. Заботы правительства объ образованіи духовенства, какъ видно, не находили большаго сочувствія въ духовной средѣ, потому что указъ 1723 г. сентября 1 говоритъ: «Набирать въ школы всѣхъ тѣхъ, которые учиться могутъ; и которые въ ученіи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволею и учить ихъ къ надеждѣ лучшаго священства».

Изъ приведенныхъ указовъ видно, что въ законодательныхъ мѣрахъ относительно распространенія образованія въ русскомъ духовенствѣ недостатка не было. Но эти мѣры встрѣчали на практикѣ сильныя затрудненія; мало было средствъ, учителей, мало было охотниковъ посылать своихъ дѣтей въ школы. Законодательная власть должна была все болѣе и болѣе ограничивать свои требованія, съ другой стороны — давать всякія льготы: даровое обученіе и содержаніе, освобожденіе отъ повинностей и пр. И все-таки приходилось приказывать, чтобы силою брали учениковъ въ школы («имать неволею»). Но какъ ни противилась дѣйствительность намѣреніямъ Петра, указы его все-таки сдѣлали очень много для образованія духовенства. Въ 1727 г. іюля 14-го Верховный тайный совѣтъ потребовалъ отъ Синода свѣдѣній о школахъ, которыя по Духовному Регламенту должны были существовать во всѣхъ епархіяхъ. Изъ представленныхъ по этому требованію свѣдѣній изъ 25 епархій видно, что большинство школъ

было устроено въ двадцатыхъ годахъ послѣ обнародованія Духовнаго Регламента и указовъ Петра. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не явилось училищъ за «неимуществомъ монастырей», за «скудно-стью епархій» и за недостаткомъ учителей (Крутицкая, Переяславская, Астраханская и Воронежская епархіи). Въ другихъ епархіяхъ по смерти Петра школы стали закрываться и ученики распускались по домамъ, главнымъ образомъ, по недостатку содержанія и учителей (Ростовская, Вологодская, Суздальская епархіи). Въ Ростовской епархіи, распуская учениковъ, брали съ родителей ихъ обязательства (сказки), «дабы родители обучали сыновей своихъ показаннымъ наукамъ въ домѣхъ своихъ»¹⁾.

Большинство архіерейскихъ школъ по объему преподаванія ограничивалось только первоначальнымъ обученіемъ, т. е. были только славяно-русскіе классы, гдѣ учили читать, писать, изучали буквари, часословъ, псалтырь. Въ немногихъ школахъ доходили до грамматики. Это зависѣло отъ наставниковъ: если попадались изъ нихъ люди свѣдущіе, если учениковъ было много, и находились изъ нихъ охотники продолжать многотрудное ученіе, то шло преподаваніе и дальше. Учителя, какъ мы уже сказали, являлись изъ академій Кіевской и Московской. Кончавшіе въ нихъ полный курсъ могли занять преподавательскія мѣста въ самыхъ академіяхъ. Что же касается иногородныхъ семинарій, то туда поступали дошедшіе до философіи или даже до риторики²⁾. Въ лучшемъ положеніи по количеству учениковъ и по объему преподаванія, послѣ Кіева и Москвы, находились школы въ Бѣлоградской, Черниговской, Новгородской и Нижегородской епархіяхъ. Въ первый курсъ преподаванія доходилъ даже до философіи, въ остальныхъ—до риторики. Хотя далеко не вполне осуществилась мысль Петра: не при всѣхъ епископахъ находились школы; возникшія школы далеко не достигали того, чего желалъ онъ, но тѣмъ не менѣе начало было положено. Преемникамъ Петра оставалось только довершить то, что онъ началъ. Все, что было сдѣлано Петромъ для образованія духовенства, показываетъ, что онъ вполне со-

¹⁾ Пекарскій, т. I, стр. 109 и слѣд.

²⁾ Смирновъ, стр. 227.

знавалъ необходимость поднять умственный и нравственный уровень духовенства. Религіозное чувство, столь необходимое для нравственнаго благосостоянія народа, начинало уже глоснуть подъ вѣшними наростами. Суевѣріе и фанатизмъ развивались очень легко на почвѣ невѣжества. Надо было положить этому предѣлъ. Но духовныя училища съ ихъ учебнымъ строемъ по идеѣ принадлежать до-петровскому времени. Петръ только способствовалъ осуществленію этой идеи на дѣлѣ.

Совершенно новымъ дѣломъ, небывалымъ до Петра, были свѣтскія спеціальныя училища. Первымъ изъ нихъ является математическая, или навигаторская школа. Извѣстна страсть Петра къ морскому дѣлу. Сознавая необходимость флота для Россіи, онъ почти исключительно съ цѣлью познакомиться съ кораблестроеніемъ и мореплаваніемъ отправился въ свое первое заграничное путешествіе. Понятно, почему и первымъ спеціальнымъ училищемъ является морское, гдѣ водворяется математика.

Она до Петра вовсе не была изучаема въ Россіи. Иностранцы, посѣщавшіе наше отечество до XVIII вѣка, говорятъ, что русскіе были совсѣмъ несвѣдущи въ математикѣ. Существованіе двухъ-трехъ рукописей съ математическимъ содержаніемъ не можетъ служить опроверженіемъ высказанному положенію. Есть свѣдѣнія, которыя показываютъ, что на математическія книги смотрѣли даже съ суевѣрнымъ страхомъ. Это объясняется тѣмъ, что на Русь заходили книги астрологическія, предсказывающія будущее, повидимому, на основаніи математическихъ выкладокъ. Въ списокъ книгъ, которыми Стоглавъ запрещалъ заниматься, встрѣчаются: Остромія (астрономія), зодіи, звѣздочеты и т. д. Подобныя книги, не имѣя научнаго основанія и заключая въ себѣ толкованіе будущей судьбы, различныя примѣты, откровенія будущаго, основанныя будто бы на вычисленіяхъ, дѣйствительно, могли содѣйствовать развитію суевѣрій. При крайнемъ умственномъ невѣжествѣ, смѣшивая настоящія математическія книги съ вышеприведенными, стали смотрѣть на занятіе математикой, какъ на чернокнижье, волшебство. Хотя русскіе могли бы задолго до Петра сознать всю практическую пользу математики: зодчіе, литейщики, размыслы (инженеры),

какъ извѣстно, задолго до Петра стали призываться въ Россію; русскіе, по крайней мѣрѣ, стоявшіе близко къ этимъ мастерамъ, не могли не знать, что математика необходима для этихъ людей. Но суевѣріе и религіозная нетерпимость не позволяли русскимъ учиться у иностранцевъ. Съ другой стороны есть основаніе думать, что и нѣкоторые правители, даже призывавшіе иностранцевъ, не особенно желали, чтобы математическія знанія распространялись въ народѣ. Маскѣвичъ, ведшій свой дневникъ съ 1594 г. по 1621 г., рассказываетъ слѣдующій случай: «Бояринъ Головинъ рассказывалъ мнѣ, что одинъ изъ нашихъ (польскихъ) купцовъ, пользовавшихся правомъ пріѣзжать въ Россію съ товарами, привезъ съ собою въ Москву кипу календарей; царь (Іоаннъ IV), узнавъ о томъ, велѣлъ часть этихъ книгъ принести къ себѣ. Русскимъ онѣ казались очень мудреными; самъ царь не понималъ въ нихъ ни слова; посему, опасаясь, чтобы народъ не научился такой премудрости, приказалъ всѣ календари забрать во дворецъ, купцу заплатить, сколько потребовалъ, а книги сжечь...»¹⁾.

До нашего времени дошли народныя легенды о Брюсѣ и Сухарева башнѣ, куда въ 1702 году было переведено математическое, или навигаціонное училище, учрежденное въ Москвѣ въ 1699 г. Въ глазахъ суевѣрнаго народа Сухарева башня была хранилищемъ всякаго волшебства: отсюда произошли преданія о Брюсѣ, который здѣсь добывалъ свой элексиръ безсмертія, о черной книгѣ, которая хранилась въ башнѣ, оберегаемая 12-ю духами, и впослѣдствіи была задѣлана въ стѣну, заколоченную алтынными гвоздями, и т. п.²⁾.

Устройство навигаціонной школы было поручено англичанину Фарварсону. Онъ былъ вызванъ въ Россію Петромъ въ 1698 году изъ Абердинскаго университета, гдѣ былъ профессоромъ. Даже въ официальныхъ бумагахъ сохранилось извѣстіе о значеніи этого англичанина въ исторіи русскаго просвѣщенія и о томъ, что съ помощью его «первое обученіе математики въ Россіи введено, и едва ли не всѣ при флотѣ (писано въ 1737 г.) російскіе подданные, отъ высшихъ и до низшихъ, къ морепла-

¹⁾ Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, т. V, стр. 67.

²⁾ Моск. Вѣдомости, 1857. № 68.

ванію въ навигацкихъ наукахъ обучены» ¹⁾. Содержалась эта школа на деньги, взимаемая съ царедворцевъ ²⁾. Въ преподаваніи Фарварсону помогали два его соотечественника, Стефанъ Гвинтъ и Ричардъ Грейсъ. Въ числѣ преподавателей находился и извѣстный Леонтій Магницкій, составитель первой печатной ариеметики на славяно-русскомъ языкѣ. Въ это училище велѣно было принимать дѣтей дворянскихъ и другихъ чиновъ отъ 12 до 17 лѣтъ; но потомъ, такъ какъ учениковъ требуемыхъ лѣтъ являлось мало, то стали принимать и двадцатилѣтнихъ. Школа эта находилась въ вѣдѣніи Оружейной палаты, т. е. адмирала Головина и дьяка Курбатова. Отъ 1703 г. сохранилось письмо послѣдняго о состояніи школы, въ которомъ онъ жалуется, что англичане учатъ ихъ (учениковъ) чиновно, а когда временемъ и загуляются или, по своему обыкновенію, почасту и долго проспятъ. Въ концѣ письма находимъ: «учители учатъ нерадѣтельно, а ежели бы не опасались Магницкаго, многое бы у нихъ было продолженіе, для того, что которые учатся остропонятно, тѣхъ бранятъ и велятъ дожидаться меньшихъ» ³⁾. Впрочемъ, эти укоры относятся только къ помощникамъ Фарварсона. Объ этой же школѣ упоминается въ письмѣ Гюйссена къ Лейбницу 23-го декабря 1703 г.: «Его Величество держитъ здѣсь въ отличномъ дворцѣ нѣсколько англичанъ, которые обучаютъ ежедневно математикѣ и навигаціи двѣсти или триста человекъ; мало того, что царь хорошо платитъ учителямъ, но и всякій ученикъ, молодой или старый, получаетъ въ день по десяти копѣекъ и больше, и послѣ двухъ или трехъ лѣтъ по окончаніи курса нѣсколько сотъ рублей и должность во флотѣ» ⁴⁾. Въ Вѣдомостяхъ, изданныхъ въ Москвѣ 2 января 1703 г., сказано: «Въ Математической Штурманской школѣ болѣе 300 человекъ и добре науку приемиетъ». Тотъ же Курбатовъ пишетъ про математическія школы въ томъ же году: «Нынѣ многіе изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдають въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейторскія дѣти и мо-

¹⁾ Пекарскій, т. I, 122. Устряловъ, III, 101.

²⁾ Пол. Собр. Зак., IV, 2542.

³⁾ Соловьевъ, XV, 99-100.

⁴⁾ Герье. 55.

людые изъ приказовъ подъячіе приходять съ охотою немалою». Если «и припознали сладость науки», какъ пишетъ Курбатовъ, то не съ самаго начала. Высшее сословіе отдавало своихъ дѣтей въ эту школу весьма неохотно: трудность ученія при суровости воспитательныхъ мѣръ, боязнъ опасной морской службы, наконецъ, вѣроятно, и суетвѣрное отвращеніе къ математикѣ, наукѣ заморской, небывалой на Руси въ благочестивыя старыя времена, заставляли многихъ смотрѣть недоброжелательно на эту школу. Но Петръ, не любившій противорѣчій, не останавливался предъ крутыми мѣрами и бывалъ иногда строгъ до жестокости: говорить, онъ посылалъ уклоняющихся отъ ученія на Сухаревой башнѣ дворянъ въ Петербургъ, гдѣ заставлялъ ихъ на Мойкѣ вколачивать сваи ¹⁾.

Въ 1715 г., 1 октября, была учреждена въ Петербургѣ Морская академія для обученія гардемариновъ, набранныхъ изъ молодыхъ шляхетскихъ дѣтей. Для академіи велѣно было отдать дворъ Кикина близъ Адмиралтейства и пристроить къ нему, сколько надо, новыхъ палатъ. Въ этой академіи Петръ указалъ учить навигаціи и сухопутному солдатскому артикулу. Для преподаванія опредѣлено нѣсколько человекъ англичанъ (переведенныхъ изъ Москвы), также и изъ русскихъ первыхъ навигаторовъ, которые учились прежде въ Московскомъ Навигаторскомъ училищѣ ²⁾. Для Морской академіи самъ Петръ опредѣлилъ такую программу. «Учить дѣтей: 1) ариѳметикѣ, 2) геометріи, 3) фехтъ или пріемы ружья, 4) артиллеріи, 5) навигаціи, 6) фортификаціи, 7) географіи, 8) знанію членовъ корабельнаго гола (кузова) и такелажа, 9) рисованью» ³⁾.

При адмиралтействѣ находились, конечно, немало всякихъ мастеровыхъ. Петръ обратилъ вниманіе и на ихъ дѣтей и повелѣлъ ихъ «обучать грамматикѣ (грамотѣ), цифири и платъ-геометріи, дабы потомъ могли добрыми мастеровыми быть. Для чего особливую школу имѣть» ⁴⁾.

¹⁾ Моск. Вѣдомости 1857 г., № 68.

²⁾ Журналъ или поденная записка государя императора Петра В. 1770 г., 2 ч. стр. 2. Полн. Собр. Зак., 2973.

³⁾ Полн. Собр. Зак., 3276 и 3973. Регламентъ Адм. и верфи.

⁴⁾ См. Регламентъ Адм. и верфи.

Петръ положилъ основаніе и изученію медицины, которая, какъ извѣстно, находилась въ такомъ же положеніи въ до-петровской Руси, какъ и математика. По повелѣнію государя, въ 1706 г., въ Москвѣ, на Яузѣ, основанъ первый военный госпиталь и при немъ хирургическая школа. Основателемъ и распорядителемъ ея былъ докторъ Николай Бидлоо. Изъ прошенія его, писаннаго въ 1712 г., видно отчасти положеніе этой школы. «Въ семь госпиталѣ благоволили Ваше Величество, чтобъ я сего (русскаго) народа нѣсколько молодыхъ людей, которые голландскаго и латинскаго языка искусны были, хирургіи по основанію анатомическому научилъ...» Далѣе Бидлоо говоритъ, что студенты подъ его руководствомъ учились «анатоміи, хирургіи и искусству травъ. И въ семь мню, что они во время отъ четырехъ до пяти лѣтъ толико въ анатоміи и хирургіи обыкли, что я лучшихъ изъ сихъ студентовъ Вашего Царскаго Величества освященной особѣ или лучшимъ господамъ рекомендовать не стыжусь, ибо они не токмо имѣютъ знанія одной или другой болѣзни, которая на тѣлѣ приключается и къ чину хирурга надлежитъ, но и генеральное искусство о всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ отъ главы и даже до ногъ съ подлиннымъ и обыкновеннымъ обученіемъ, како ихъ лечить...» Затѣмъ въ припискѣ говоритъ: «Взялъ я въ разныхъ годѣхъ и числахъ 50 человѣкъ для науки хирургической, которыхъ 33 осталось, 6 умерло, 8 сбѣжали, 2 по указу въ школу взяты, 1 за невозддержаніе отданъ въ солдаты» ¹⁾. Указомъ 1719 г. 23 мая повелѣвалось изъ школъ учениковъ, знающихъ латинскій и нѣмецкій языки, отослать 30 человѣкъ къ доктору Блументросту для наученія медицины ²⁾. Въ Регламентѣ Адмиралтейства и верфи указано «чинить часто разобраніе анатомическимъ тѣламъ человѣческимъ, при чемъ лѣкари, гезели (помощники лѣкарскіе) и ученики должны быть, которымъ долженъ толковать (преподаватель) о всѣхъ членахъ и болѣзняхъ и о лѣкарствахъ пристойныхъ... а особливо которыя болѣзни будутъ странныя отнюдь не пропускать безъ анатоміи». Самъ Петръ, какъ извѣстно, имѣлъ свѣдѣнія въ анатоміи и, понимая

¹⁾ Пекарскій, I. 132.

²⁾ П. С. З., V, 3375.

важное значеніе ея, часто посѣщаль во время заграничныхъ путешествій анатомическіе театры. Въ 1721 году 10 ноября послѣдовалъ именной указъ объ учрежденіи школы для обученія подъячихъ ариметикѣ и письмоводству: «учинить школу, гдѣ учить подъячихъ ихъ дѣлу, а именно цифири, и какъ держать книги (бухгалтеріи), ко всякому дѣлу пристойныя, и кто тому не выучится, къ дѣламъ не употреблять; къ сему ученью опредѣлить, а именно ариметику, формъ книгамъ, табели, стиль письма и прочее, что доброму подъячему надлежитъ, куда бы приказные люди дѣтей своихъ повинны были отдавать, такожъ изъ стороны кто похочетъ быть приказнымъ»¹⁾. Въ 1721 г. учреждена была должность герольдмейстерская. Герольдмейстеръ долженъ былъ имѣть списки дворянъ: 1) кто у дѣлъ какихъ и гдѣ, 2) кто безъ дѣлъ и 3) дѣтей ихъ, которыя еще не въ возрастѣ. Ему вмѣнялось также въ обязанность устроить школу. Вотъ какъ выражена мысль Петра о ней: «Понезже у насъ ученіе не гораздо вкоренилось, такожъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, а особливо въ экономическихъ дѣлахъ, почитай, что ничего нѣтъ: того ради, пока академіи исправятся, чтобъ краткую школу сдѣлать и ему (герольдмейстеру) вручить, дабы отъ всякой знатной и среднихъ дворянскихъ фамилій обучать экономіи и гражданству; такожъ смотрѣть ему, дабы въ гражданствѣ болѣе того отъ каждой фамиліи не было, дабы служилыхъ на землѣ и морѣ не оскудить»²⁾. Изъ этихъ словъ, хотя и не вполне ясныхъ, видно сознаніе Петра въ необходимости подготовленія къ гражданской службѣ. Въ то же время онъ опасался, чтобы проектируемая школа не привлекла слишкомъ много боярскихъ и дворянскихъ дѣтей въ ущербъ военной службѣ. Потребность государства въ людяхъ и знаніяхъ возрастала годъ отъ году; но и тѣхъ, и другихъ было немного: приходилось позаботиться, чтобы, по крайней мѣрѣ, эти силы были распредѣлены равномерно по всемъ государственнымъ учрежденіямъ.

Изъ специальныхъ заведеній упомянемъ еще объ инженерной школѣ. Она содержалась въ Москвѣ съ 1712 года. Математика,

¹⁾ П. С. З., V, 384б.

²⁾ Соловьевъ, 18 т., 138.

безъ сомнѣнія, занимала въ ней главное мѣсто. Петръ съ 1712 г. приказалъ: «Школу инженерную умножить, а именно сыскать мастера изъ русскихъ, который бы училъ цифири или на башню (Сухареву) для сего ученія посылать, а когда ариметику скончатъ, учить геометрію столько, сколько до инженерства надлежитъ, а потомъ отдавать инженеру учить фортификацію и держать всегда полное число сто человѣкъ или полтора, изъ которыхъ, чтобъ двѣ трети было изъ дворянскихъ дѣтей». Этотъ указъ не былъ исполненъ, и въ 1713 году послѣдовалъ другой, чтобы всѣхъ учениковъ было сто человѣкъ.

Забываясь о специальныхъ училищахъ, Петръ, конечно, скоро могъ замѣтить недостатокъ подготовительныхъ къ нимъ школъ. Кромѣ того, и то обстоятельство, что въ провинціи не было вовсе свѣтскихъ школъ, не могло не броситься въ глаза. Уже съ 1714 года Петръ заботится объ открытіи подготовительныхъ общественныхъ школъ. Эти школы имѣютъ характеръ общеобразовательныхъ училищъ. Въ 1714 г. 28 февраля послѣдовалъ указъ: «Во всѣхъ губерніяхъ, дворянскихъ и приказнаго чина дьячихъ и подьяческихъ дѣтей, отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, опричь однодворцевъ, учить цифири и нѣкоторую часть геометріи, и для того ученія послать математическихъ школъ учениковъ по нѣскольку человѣкъ въ губернію къ архіереямъ и въ знатные монастыри, и въ архіерейскихъ домѣхъ и монастырѣхъ отвести имъ школы, и во время того ученія тѣмъ учителямъ давать кормовыхъ по 3 алтына по двѣ деньги на день, изъ губернскихъ доходовъ, которые по именному Е. И. В-ва указу отставлены, а съ тѣхъ учениковъ имъ себѣ отнюдь ничего не имать, а какъ ту науку тѣ ихъ ученики выучать совершенно, и въ то время давать имъ свидѣтельствоваанныя письма за своею рукою, и во время того отпуску съ тѣхъ учениковъ за то ученіе имать имъ себѣ по рублю съ человѣка; а безъ такихъ свидѣствованныхъ писемъ жениться ихъ не допускать и вѣчныхъ памятей не давать» ¹⁾.

Указомъ 1716 года 18 января подтверждается предыдущій указъ о цифирныхъ школахъ. Но встрѣчается и нѣкоторое измѣ-

¹⁾ П. С. З., V, 2777.

неніе: «Повелѣвается обучать дѣти, подѣти и всякаго чина дѣтей, окромѣ дворянскихъ». Можетъ быть, это измѣненіе вызвано было указомъ 1715 г. 20 декабря о высылкѣ знатныхъ дворянскихъ дѣтей въ Санктпетербургскую школу. Несмотря на повтореніе указа о цифирныхъ школахъ, на практикѣ дѣло шло очень медленно впередъ: въ 1719 г. Скорняковъ-Писаревъ, вѣдѣнію котораго были подчинены школы Псковская, Новгородская, Ярославская, Вологодская и Московская, доносилъ, что «во оныя школы (кромѣ одной Ярославской) въ высылкѣ учениковъ и во ученіи никого не было». Высылка дѣтей въ школы, дѣйствительно, для многихъ была крайне затруднительна и составляла тѣмъ болѣе тяжелую повинность, чѣмъ менѣе было сознаніе пользы школьнаго обученія. Посадскіе люди (Каргопольцы, Устюжане, Вологжане, Калужане и др.) подали въ 1720 г. въ сенатъ челобитіе, въ которомъ жаловались, что ихъ принуждаютъ высылать дѣтей изъ Каргополя въ Новгородъ, изъ Устюга въ Вологду, изъ Калуги въ Москву, и принуждаютъ силою держать ослушниковъ въ тюрьмахъ и за карауломъ, тогда какъ дѣти ихъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ обучаются купечеству и вступаютъ въ торговые промыслы, сидятъ въ рядахъ за товарами, многіе изъ нихъ съ отцами и братьями ѣздитъ въ дальніе города для торговли. Если же дѣтей ихъ, купцовъ, будутъ брать въ школы, то они отъ своихъ промысловъ отстанутъ. Затѣмъ челобитчики просятъ, чтобы дѣтей отъ нихъ не отбирали въ школы, чтобы имъ (купцамъ) въ разореніе не придти и чтобы «въ положенныхъ на нихъ податяхъ и въ сборахъ таможенныхъ пошлинъ умаленія не было». Желаніе ихъ было исполнено: указомъ 1720 г. 30 апрѣля посадскіе люди были избавлены отъ обязанности высылать своихъ дѣтей въ ариѳметическія школы. Малый успѣхъ этихъ школъ и недостатокъ средствъ побудилъ въ 1723 году соединить цифирныя школы съ духовными, которыя, по опредѣленію Духовнаго Регламента, должны были быть при архіерейскихъ домахъ; но такъ какъ этихъ архіерейскихъ школъ тогда еще нигдѣ не было заведено, кромѣ Новгорода, то эта мѣра приведена была въ исполненіе только въ Новгородѣ. Въ томъ же указѣ было повторено, чтобы не принимались въ ученики имѣющіе болѣе пятнадцати лѣтъ, «дабы подъ именемъ той науки отъ

смотровъ и опредѣленія на службу не укрывались»¹⁾. Въ губерніи для образованія ариеметическихъ школъ было отправлено изъ Москвы и Петербурга 47 учителей; изъ нихъ 18 возвратились назадъ за неимѣніемъ учениковъ. Объ успѣхахъ обученія въ цифирныхъ школахъ можно судить отчасти по отчету, представленному изъ Рязани по требованію синода. Цифирная школа открыта въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ маѣ 1722 года, и учениковъ въ ней было 96; изъ нихъ обучены 4, выпущено въ канцеляристы 2, умерло 2, отданъ въ солдаты 1, а 59 «отлучились отъ ариеметической школы самовольно». Эта школа была по указу 1723 г. присоединена къ епархіальной школѣ, когда послѣдняя открылась въ 1724 г.²⁾

Такимъ образомъ эти первыя общеобразовательныя школы, которыя при хорошемъ развитіи могли бы сдѣлаться прекраснымъ средствомъ для народнаго образованія, лишились скоро самостоятельнаго существованія и слились съ архіерейскими школами, въ которыхъ слѣдъ ихъ остался развѣ въ томъ только, что преподавалась начальная ариеметика; но все-таки архіерейскія школы имѣли болѣе спеціальный характеръ, и опредѣлялись въ нихъ преимущественно дѣти духовныхъ «въ надеждѣ священства».

Не могла осуществиться и другая мысль Петра о начальныхъ школахъ. Въ регламентѣ магистратскомъ находимъ слѣдующее: «Понеже академіи и школы дѣло есть дѣло нужное для обученія народнаго, въ чемъ уже по Е. Ц. В—ства высокому соизволенію и доброе начало учинено, дабы такое нужное и благоугодное дѣло по всей возможности въ дѣйство произвести; того ради надлежитъ магистрату учрежденія того не пренебрегать, но по должности всякое тому вспоможеніе чинить; а что до содержанія малыхъ школъ принадлежить, въ которыхъ токмо читать, писать и ариеметикѣ обучатися будутъ, о томъ во всѣхъ городахъ магистратамъ самимъ имѣть стараніе»³⁾.

Нечего и говорить, какъ были нужны въ то время начальныя

¹⁾ П. С. З., VII, 4326.

²⁾ Пекарскій, I, 117.

³⁾ П. С. З., 3708. Реглам. маг., гл. XXI.

городскія училища, и сколько бы они могли принести пользы. Но изъ этого постановленія ничего путнаго не вышло, какъ и изъ самыхъ магистратовъ. Областная жизнь была до такой степени ничтожна; при московской государственной системѣ такъ мало проявлялась общественная жизнь, что и при Петрѣ, желавшемъ пробудить эту жизнь, общество на всякое данное ему право, если только оно было сопряжено съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ и дѣятельностью, смотрѣло, какъ на тяжелую повинность, и всѣми силами старалось отбыть ея.

Говоря объ училищахъ времени Петра, нельзя миновать школы Эрнста Глюка. Петръ черезъ два мѣсяца послѣ взятія Маріенбурга, 1703 г. 4 марта, назначилъ Глюку ежегодное жалованье въ 3000 (?) руб. съ тѣмъ, чтобы онъ открылъ въ Москвѣ первоначальную гимназію для разночинцевъ и выбралъ самъ преподавателей. Глюку былъ данъ въ распоряженіе домъ боярина В. Θ. Нарышкина на Покровкѣ ¹⁾.

Глюкъ составилъ программу, изъ которой узнаемъ, какіе предметы преподавались, и какъ они были распредѣлены между 7 преподавателями. Эта программа носитъ такое заглавіе: «Глюкова программа, или приглашеніе къ російскимъ юношамъ, *аки мягкой и всякому изображенію удобной глины*». Затѣмъ слѣдуетъ витіеватое обращеніе къ ученикамъ, гдѣ между прочимъ говорится: «Внидите въ тайное пріятилище премудрости и къ благоухищеннымъ и паче злата драгоцѣннымъ сокровищамъ, и къ приготовленію различныхъ наукъ и вѣдомостей; внидите наипаче по монархскому государя вашего царя указу, который прозорливымъ желаніемъ и попеченіемъ воструждается тьму искусства отъ очей своихъ подданныхъ выстирати». Глюкъ въ своей программѣ объявляетъ, что у него въ школѣ будутъ преподаваться слѣдующіе предметы: философія картезіанская, ионика, политика, риторика, географія, ариметика; языки: латинскій, греческій, еврейскій, сирійскій, халдейскій, французскій и нѣмецкій; искусства: танцованіе, верховая ѣзда. Имѣлось въ виду также учить и хорошимъ манерамъ («тѣлесному благолѣпію»). Глюкъ умеръ въ 1705 году. Школа его перешла въ другія

¹⁾ Пекарскій, I, 127.

руки. Къ сожалѣнію, отсутствіе всякихъ данныхъ не позволяетъ хотя сколько-нибудь ближе познакомиться съ этимъ оригинальнымъ заведеніемъ.

Изъ краткихъ, отрывочныхъ извѣстій узнаемъ, что были школы собственно для изученія иностранныхъ языковъ. Въ Поденной запискѣ ¹⁾ говорится подъ 1699 годомъ объ учрежденіи навигаторской школы и сказано, между прочимъ, что вновь заведены школы нѣмецкія и другихъ языковъ. Затѣмъ извѣстно, что подъ вѣдѣніемъ графа Мусина-Пушкина въ 1711 г. было четыре разноязычныя нѣмецкія школы. Кромѣ того, при типографіи обучали иностраннымъ языкамъ. Послѣ преобразованія эллино-греческаго училища въ славяно-латинскую академію, изученіе греческаго языка водворилось при типографіи. Можно полагать, что въ этой же типографской школѣ преподавались французскій и нѣмецкій языки. Въ 1715 г. Петръ указалъ выслать въ С.-Петербургъ учителей нѣмецкой и французской школъ (классовъ?), принявъ у справщика печатнаго дѣла Ѳ. Поликарпова, и, прислать, если они плѣнные, то за карауломъ, а если неплѣнные, то съ провожатымъ. Изъ этого мы видимъ, что иногда плѣнники становились преподавателями ²⁾. Одинъ изъ плѣнныхъ, взятыхъ при Полтавѣ, фонъ-Врехъ, по направленію піэтистъ, завелъ въ Tobolskъ школу для дѣтей своихъ единовѣрцевъ. Эта школа пріобрѣла такую репутацію, что и нѣкоторые русскіе отдавали въ нее своихъ дѣтей, хотя школа по ея характеру могла имѣть вліяніе на религіозное направленіе: она была основана на принципахъ Франке. Главныя занятія въ ней состояли въ чтеніи Библии, пѣніи псалмовъ, чтеніи молитвъ наизусть и по книгамъ. По уставу, воспитанники не могли говорить со своими наставниками о чѣмъ-либо другомъ, кромѣ божественнаго. Эта школа существовала до 1720 г. Наконецъ, Петръ задумалъ по примѣру западныхъ государствъ устроить академію наукъ. Совѣты Лейбница и его планъ академіи могли значительно содѣйствовать этой мысли. Хотя академія наукъ по существу своему есть ученое общество, на обязанности котораго лежитъ разработка, движе-

¹⁾ Журналъ или поденная записка Г. И. Петра В., Спб. 1770 г., 1, 7.

²⁾ П. С. З., № 2389. Соловьевъ, XVI, 307.

ніе наукъ впередъ, но Петръ, желавшій изъ всего извлечь какъ можно больше практической пользы, смотрѣлъ на академію нѣсколько иначе. У Голикова находится слѣдующій рассказъ: одинъ изъ приближенныхъ къ Петру людей въ бесѣдѣ съ нимъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, что учрежденіе академіи, полезной для науки, принесетъ много пользы народу, потому что академики не будутъ заниматься ученіемъ юношества. На это Петръ возразилъ: «Они (академики) будутъ сочинять до всѣхъ наукъ касающіяся книги, кои повелю я переводить на нашъ языкъ, ихъ стануть они изъяснять молодымъ людямъ, кои для того избранны и имъ препоручаемы будутъ, и кои послѣ должны занимать учительскія мѣста въ тѣхъ наукахъ, въ коихъ они подъ руководствомъ академиковъ упражнялись; другими же сочиненіями, кои они о своихъ наукахъ и открытіяхъ на латинскомъ языкѣ писать и печатать стануть, должны они намъ пріобрѣсти довѣріе и честь въ Европѣ, что и у насъ упражняются въ наукахъ и что уже болѣе не презируютъ оныхъ, и не столь грубо ѣмствуютъ, какъ въ прежнія времена» ¹⁾. Достоверность этого рассказа подтверждается и самымъ проектомъ академіи наукъ, одобреннымъ Петромъ. Въ этомъ проектѣ говорится, что академія наукъ въ настоящемъ ея смыслѣ мало полезна для Россіи, потому что «хотя чрезъ оную художества и науки въ своемъ состояніи производятся и распространяются, однакожь оныя не скоро въ народѣ расплодятся». Устройство университета тоже было преждевременно, потому что не было еще подготовительныхъ къ университету учебныхъ заведеній. Примѣняясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, проектъ находилъ, что на академиковъ нужно возложить слѣдующія обязанности: «1) Науки производить и совершить, однакожь тако, чтобъ они тѣмъ наукамъ 2) молодыхъ людей (ежели которые изъ оныхъ угодны будутъ) публично обучали, и чтобъ они 3) нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младыхъ людей первымъ фундаментомъ всѣхъ наукъ таки обучать могли». Такимъ образомъ по проекту учреждаемая академія должна была совмѣщать въ себѣ настоящую академію

¹⁾ Голиковъ. Дѣянія Петра В., 9, 57.

университетъ (чтеніе лекцій) и, наконецъ, подготовительное училище.

Чтобы удобнѣе осуществить послѣднее, проектъ совѣтовалъ каждому академику дать одного или двухъ человѣкъ молодыхъ студентовъ съ назначеніемъ имъ приличнаго жалованья. Академики должны были учить и руководить этихъ студентовъ въ научныхъ занятіяхъ, чтобы они впослѣдствіи могли занять мѣста своихъ наставниковъ: студенты же въ свою очередь должны были готовить къ академическому ученію тѣхъ, которые желали впослѣдствіи пользоваться имъ. Этимъ путемъ, по словамъ проекта, можно «безъ великихъ убытковъ намѣреніе нижней школы исполнить» ¹⁾. Къ этому Петръ положилъ свою резолюцію: «Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ Славенскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить, а какихъ наукъ написать именно». Уже и суммы на содержаніе академіи были назначены; были сдѣланы распоряженія о вызовѣ ученыхъ изъ заграницы, но смерть помѣшала Петру исполнить этотъ планъ. Открытіе академіи и начало ея дѣятельности относятся уже къ послѣдующему царствованію.

Недостатокъ матеріаловъ для исторіи школъ Петровскаго времени не позволяетъ выполнѣ ознакомиться съ тогдашнимъ состояніемъ школъ и прослѣдить въ совершенной точности, насколько заботы Петра увѣнчались успѣхомъ въ дѣйствительности. Но все-таки приведенныхъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы судить о характерѣ, о направленіи, данномъ законодательной властью русскимъ школамъ того времени. Въ послѣдующія царствованія до Екатерины II относительно школъ выполнялась собственно программа Петра.

Школа—одно изъ тѣхъ общественныхъ учреждений, которыя не могутъ явиться быстро по волѣ, хотя бы и могучей, одного лица: школа, будучи орудіемъ для распространенія образованности, есть въ то же время продуктъ послѣдней. Гдѣ царило нѣсколько вѣковъ невѣжество, гдѣ приходилось силою брать въ школы, гдѣ надо было объяснять народу, что наука не есть дьявольское порожденіе,—тамъ понятно, что и самыя благія начинанія при

¹⁾ П. С. З., VII, 4443.

всей энергіи просвѣтителя Россіи должны были въ дѣйствительности давать довольно скудные плоды. Въ самомъ дѣлѣ, мы упомянули уже, что нѣкоторые указы не исполнялись вовсе, или если и осуществлялись, то не надолго (постановленіе о магистратскихъ, городскихъ школахъ и о цифирныхъ). Другія школы, хотя и явились, но дѣла тамъ шли не блестяще. Очень значительный процентъ учениковъ изгонялся «за тупость, за невзятіе науки»; не менѣе числилось въ бѣгахъ изъ школы. Въ отчетѣ епархій 1727 г., о которомъ было упомянуто выше, находимъ, напримѣръ, такіе факты: въ Александро-Невской школѣ съ открытія ея въ 1721 г. и по 1727 г. было учениковъ 118, а въ ноябрѣ 1727 г. тамъ оставалось только 48 человѣкъ. Въ числѣ выбывшихъ изъ школы 42 ученика «отстали отъ ученія за невзятіемъ науки и за скорбію». Ученики въ этой школѣ болѣе всего твердили букварь; въ математикѣ далѣе раздробленія цѣлыхъ чиселъ и тройного правила *никто* не пошелъ. Въ Рязанской епархіи въ Переяславльской цифирной школѣ, присоединенной къ епархіальной, изъ 96 учениковъ обучены только 4. Въ одной изъ школъ Нижегородской епархіи уволены за тупостью 11 учениковъ. Наконецъ, почти не было школы, гдѣ бы нѣскольکو учениковъ не числилось въ бѣгахъ. Число бѣжавшихъ было иногда очень велико; въ Переяславлѣ Рязанскомъ изъ школы, въ которой было 96 учениковъ, 59 отлучилось самовольно. Въ Морской академіи въ 1723 г. изъ 400 воспитанниковъ 116 было въ бѣгахъ ¹⁾. Главною причиною плохихъ успѣховъ учениковъ была, конечно, не природная тупость русскихъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, и какъ думали нѣкоторые русскіе бояре, говорившіе Петру, по свидѣтельству Корба: «Москвитяне къ научнымъ занятіямъ не способны, и потому расходы на сей предметъ окажутся совершенно бесполезными» ²⁾. Главною причиною слабыхъ успѣховъ было отсутствіе всякаго образованія въ обществѣ. Женщины до Петра обыкновенно не получали вовсе образованія; со времени Петра стали чаще обучать письму и дѣвушекъ и то *про себя*, для домашняго обихода ³⁾. Образование, сколь-

¹⁾ Пекарскій, I, 276.

²⁾ Шаповъ, 92.

³⁾ Вороновъ. Историко-статистич. обзорѣніе учеб. завед. Пет. округа, 5 стр.

ко-нибудь удовлетворяющее самымъ невзыскательнымъ требованіямъ, было рѣдкостью. Невѣжественныя матери не могли воспитывать любознательныхъ и трудолюбивыхъ дѣтей. Невѣжественные отцы своимъ примѣромъ не могли побудить сыновей къ умственной дѣятельности. А школа, какъ и всякое общественное учрежденіе, коренится на общественной почвѣ, соками которой питается. Попытки какъ можно болѣе изолировать школу отъ общественной жизни не удавались или приводили даже къ печальнымъ результатамъ. Содѣйствуя умственному и нравственному прогрессу питомцевъ, стараясь передать имъ все лучшее, воспитатели и преподаватели дѣйствуютъ непремѣнно подъ условіями своего времени и общества. Все хорошее и дурное въ нихъ самихъ есть продуктъ общественной жизни. Конечно, не одно только невѣжество было причиною того, что родители неохотно отдавали своихъ дѣтей въ школу. Если и въ наше время находить примѣненіе пословица: «корень науки—горекъ», то справедливость требуетъ сказать, что въ петровское время эта пословица могла имѣть болѣе широкое примѣненіе. Педагоги того времени, кажется, даже были убѣждены, что «чѣмъ горше корень, тѣмъ слаже плодъ». Главное педагогическое средство при воспитаніи и обученіи было—страхъ. Розга являлась неизбѣжнымъ атрибутомъ всякаго наставника. Буквари, которые ученики должны были долбить иногда въ теченіе многихъ лѣтъ, часто украшались назидательными картинками, представлявшими преподавателя при исполненіи его обязанностей, т. е. сѣкущаго учениковъ. Букварь, составленный Ѳеодоромъ Поликарповымъ и напечатанный въ Москвѣ въ 1701 г., снабженъ двумя картинками: на одной изображена классная комната, около окна четыре ученика и по сторонамъ два учителя; напротивъ праваго школьникъ на колѣняхъ, а предъ лѣвымъ мальчикъ, кланяющійся въ ноги; на полкѣ книги и съ ними рядомъ двѣ плетки. Другая картина представляетъ тѣхъ же учениковъ и наставниковъ: одинъ изъ послѣднихъ внимательно слушаетъ ученика, колѣнопреклоненнаго предъ нимъ, а другой учитель сѣчетъ огромнымъ пучкомъ розогъ разложеннаго на скамьѣ школьника. Въ нѣкоторыхъ воспѣвались розги и плети; напр., въ одномъ изъ московскихъ букварей:

Розга умъ вострить, память возбуждаетъ
И волю злую въ благо прелагаетъ:
Учить Господу Богу ся молити
И рано въ церковь на службу ходити.
Бичъ возбраняетъ скверно глаголати
И дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезль лѣнныя къ дѣлу побуждаетъ,
Рождшихъ слушати во всемъ научаетъ.

Въ обращеніи къ ученикамъ дается такой совѣтъ:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезль любайте;
Та суть безвинна, тѣхъ не проклиняйте
И рукъ, яже вамъ язвы налагають,—
Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ ¹⁾.

Изъ этихъ цитатъ мы видимъ, что домостроевскія правила воспитанія долго держались на Руси. Тѣлесное наказаніе не было принадлежностью одной русской школы, но зато здѣсь оно доходило до крайней суровости. Самъ Петръ, стоявшій во многомъ выше своихъ современниковъ русскихъ, былъ въ этомъ отношеніи вполне сыномъ своего вѣка. Въ инструкціи Морской академіи, подъ 8-мъ пунктомъ, гдѣ говорится, что всѣ гардемарины должны вести себя скромно, безъ шума и крика, собственною рукою Петра приписана слѣдующая замѣтка: «Для унятія крика и безчинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ и быть имъ по человѣку во всякой каморѣ во время ученія и имѣть хлыстъ въ рукахъ; и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманить» ²⁾. Изъ всего этого видимъ, что тѣлесное наказаніе было общепринятымъ воспитательнымъ средствомъ. На практикѣ, конечно, жестокость обращенія съ учениками, при крайней грубости и суровости того времени, могла заходить и очень далеко. Въ Морской академіи, напримѣръ, бывали случаи, что опредѣлялось «сѣчь по два дня нещадно батогами или, по молодости лѣтъ,

¹⁾ Пекарскій, т. I, 171.

²⁾ П. С. З., V, 2937.

наказать кошками»¹⁾. Безъ сомнѣнія, учащіеся немного уступали въ грубости своимъ наставникамъ и давали часто поводъ имъ превращаться въ палачей. Но не всѣ были способны къ такому спартанскому воспитанію. Понятно, почему многіе ученики числились въ бѣгахъ, понятно также, почему матери, отправляя дѣтей въ школу, оплакивали ихъ, словно хоронили. Хотя въ тотъ суровый вѣкъ тѣлесное наказаніе не могло быть для родителей новостью въ школѣ,—оно примѣнялось и въ домашнемъ быту очень часто, но все-таки школа, въ которой представлялось гораздо болѣе поводовъ примѣнять наказаніе, и при томъ наказующіе были чужіе люди,—могла пугать многихъ. Тогда была такая школа, которая дала поводъ образоваться словамъ: «школить» и «вышколить» съ ихъ вполне опредѣленнымъ значеніемъ.

Такимъ образомъ, справедливость требуетъ сказать, что сколько-нибудь разумнаго воспитанія въ русскихъ школахъ XVIII столѣтія и признака не было. Да и могло ли оно быть тогда, когда и передовые люди не дошли еще до уваженія человѣческой личности въ каждомъ человѣкѣ помимо его положенія, состоянія, знанія... Понятно, какъ должны были смотрѣть на ученика, не имѣвшаго еще ни знанія, ни положенія въ обществѣ: онъ былъ «аки мягкая глина», по выраженію Глюка, въ рукахъ мастеровъ-наставниковъ, которые готовили изъ него на потребу государства моряка, инженера, подьячаго и проч.

Образованіе большинства учащихся ограничивалось только обученіемъ грамотѣ да первымъ дѣйствіямъ арифметическимъ. Обученіе грамотѣ обыкновенно производилось по букварямъ, которые заключали въ себѣ азбуку, склады, молитвы, символъ вѣры, бесѣду о православной вѣрѣ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Въ московскомъ букварѣ 1679 года прибавлены привѣтства къ родителю и благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе и другіе праздники. Руководясь мыслью, что прежніе буквари недоступны народу по ихъ рѣдкости и мало полезны по темнотѣ изложенія, Теофанъ Прокоповичъ составилъ въ 1720 г. «Первое ученіе отрокомъ, въ ней же буквы и сло-

¹⁾ Пекарскій, I, 123.

ги; также краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы Господней, символа вѣры и девяти блаженствъ». Этотъ букварь былъ новымъ явленіемъ: онъ былъ написанъ не славянскимъ высокимъ діалектомъ, а просторѣчїемъ, болѣе понятнымъ народу; ново было и содержаніе его: не молитвы предлагались для изученія, а толкованіе десяти заповѣдей, молитвы Господней, символа вѣры и девяти блаженствъ. Въ этомъ отношеніи Теофанъ Прокоповичъ руководился тѣмъ, что надо дать понятіе о внутреннемъ содержаніи религіи, которая у большинства имѣла только внѣшнее значеніе. Въ предисловіи къ этому букварю говорится, что и многіе богобоязненные люди, «не вѣдая силы Закона Божія, многихъ своихъ грѣхъ не вѣдаютъ и въ безстрашіи пребываютъ. Все богопочтеніе полагають во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи...»¹⁾. Этотъ букварь былъ введенъ во всеобщее употребленіе при начальномъ обученіи. Въ 1723 г. велѣно было читать эту книгу въ церквахъ по великимъ постамъ вмѣсто твореній Ефрема Сирина и Соборника²⁾. Содержаніе этого букваря ученики должны были заучивать наизусть. Учителя должны были эти буквари ученикамъ «въ твердую память положить, дабы изустно читать могли».

Между книгами, назначенными для первоначальнаго обученія, замѣчательнъ букварь, подъ заглавіемъ: «Юности честное зеркало или показаніе къ житейскому обхожденію». Книга эта составлена повелѣніемъ Е. И. В. Государя Петра Великаго. Первое изданіе было въ 1717 г. Неоднократныя изданія ея показываютъ, что она была въ ходу. Въ началѣ этой книги находятся азбука, склады, правоученія, выбранныя изъ Св. Писанія, и цифирь, т. е. начертаніе цифръ арабскихъ, римскихъ и церковно-славянскихъ. Затѣмъ слѣдуетъ самое «Зерцало», гдѣ изложены правила, какъ слѣдуетъ держать себя въ извѣстныхъ положеніяхъ и съ извѣстными лицами. Это «Зерцало» было собственно руководствомъ свѣтскихъ приличій. По стремленіямъ своимъ подчинить жизнь правиламъ, иногда неестественнымъ и очень часто

¹⁾ Пекарекій, I, 178.

²⁾ П. С. З., VII, 4493.

крайне мелочнымъ, оно напоминаетъ Домострой; но самыя наставленія уже имѣють въ виду придать юному поколѣнію извѣстный свѣтскій лоскъ, внѣшнюю пріятность. Хотя составитель этой книги пользовался, очевидно, иностранными образцами, но онъ, видимо, примѣнялся къ русскимъ нравамъ. Для характеристики этой книги приводимъ нѣсколько отрывковъ. Вотъ какъ, по совѣту Зеркала, нужно было обходиться съ родителями: «Наипаче всего должны дѣти отца и мать въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, а предъ ними не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садиться, и прежде оныхъ не засѣдять. При нихъ въ окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все *потаеннымъ* образомъ, съ великимъ почтеніемъ; не съ ними врьдъ, но немного уступя, позади оныхъ къ сторонѣ стоять, *подобно яко пажезъ нѣкоторый или слуга*. Безъ спросу не говорить, а когда и говорить имъ случится, то должны они благопріятно, а не крикомъ и ниже съ сердца или съ задору говорить, не якобы сумасброды.—Когда родители или кто другій ихъ спросятъ (позовутъ), то должны они къ нимъ отозваться и отвѣчать тотчасъ, какъ голосъ слышать, и потомъ сказать: *что изволите, государь-батюшка, или государыня-матушка?* а не такъ: *что? чего? какъ ты говоришь? чего хочешь?* и не дерзостно отвѣчать: *да, такъ,* и ниже вдругъ на отказъ молвить: *нѣтъ*; но сказать: *такъ, мой государь; слышу, государь; я выразумѣлъ, государь; учиню такъ, какъ вы государь, приказали*».

Всякому почтительному сыну, желавшему по этой программѣ «содержать родителей въ великой чести», присутствіе ихъ должно было быть крайне тягостно, и желаніе удалиться отъ нихъ какъ можно скорѣе было вполне естественно.

Желая сообщить точныя правила приличія, Зерцало иногда вдается въ крайнюю мелочность. «Отрокъ долженъ быть весьма учтивъ и вѣжливъ, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣлахъ, на руку не дерзокъ и не драчливъ; также имѣетъ онъ встрѣтившаго, на три шага не дошедъ и шляпу пріятнымъ образомъ снявъ, а не мимо прошедши, назадъ оглядываясь, поздравлять». Молодымъ людямъ при другихъ «на столъ, на скамью или на что иное не опираться и не быть подобнымъ деревенскому мужику, кото-

рый на солнцѣ валяется, но стоять прямо. — Неприлично имъ руками или ногами по столу вездѣ колобродить, по смирно ѣсти; а вилками и ножикомъ по тарелкамъ, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать; но должны тихо и смирно, прямо, и не избоченясь, сидѣть. Младые отроки не должны носомъ храпѣть и глазами моргать, и ниже шею и плечи якобы изъ повадки трясти, и руками не шалить». — «Никто, честно воспитанный, въ носъ не втягаетъ, подобно какъ бы часы кто заводилъ. — И сія есть немалая гнусность, когда кто часто сморкаетъ, якобы въ трубу трубить, или громко чхаеть, будто кричить, и тѣмъ въ прибытіи другихъ людей или въ церкви дѣтей малыхъ пугаетъ» и т. п.

Знаніе иностранныхъ языковъ при обилии иностранцевъ въ Петербургѣ и уваженіи къ нимъ царя стало все болѣе и болѣе входить въ моду. Это отразилось и въ Зерцалѣ: «Младые отроки», совѣтуетъ оно, «должны всегда между собой говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навикнуть могли... и чтобы можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать» ¹⁾. Какъ смотрѣли на эту книгу наиболѣе образованные люди того времени, это видно изъ завѣщанія В. Н. Татищева, въ которомъ онъ рекомендуетъ сыну букварь Оеофана и «Юности честное зеркало», какъ лучшія руководства: «Истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за катихизисъ, а малая букварь, или юности честное зеркало, за лучшее нравоученіе служить могутъ; и всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно» ²⁾.

Преподаваніе ариѳметики тоже въ то время было въ незавидномъ положеніи: и оно болѣе всего рассчитывало на память. Первый напечатанный въ Россіи учебникъ по ариѳметикѣ составленъ былъ Л. Магницкимъ и изданъ въ 1703 г. Авторъ статьи объ этой книгѣ говоритъ о ней: «Методъ изложенія истинъ науки у Магницкаго довольно ясный, но, по нашимъ понятіямъ, неудовлетворительный: авторъ учить только производить дѣйствія, не представляя причинъ, почему такъ, а не иначе дѣлается почти не разсуждаетъ самъ и не даетъ возможности учащемуся

¹⁾ Афанасьевъ. «Школа свѣтскихъ приличій». Атеней. 1858, № 34.

²⁾ Н. Поповъ. Татищевъ и его время. Стр. 209.

сознательно узнать и вѣрно убѣдиться въ непреложности математической истины. Но тогда знаніе ариеметики опредѣляли умѣньемъ дѣлать практическія задачи, и онъ, вѣроятно, полагалъ, что если ученикъ понимаетъ условія задачи и правильно рѣшаетъ ее, то, значитъ, хорошо усвоилъ преподаанныя правила» ¹⁾. Этотъ выводъ сдѣланъ авторомъ на основаніи приводимыхъ имъ примѣровъ. Книга Магницкаго начинается вопросомъ: «Что есть ариеметика?» и дается такой отвѣтъ: «Ариеметика есть числительница, есть искусство честное, независтное и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ въ разныя времена явившихся изряднѣйшихъ ариеметиковъ изобрѣтенное и изложенное». Опредѣленіе это, не показывая сущности дѣла, старается возвысить достоинство предмета въ глазахъ учащихся и побудить къ ревностному изученію его. Ради послѣдней цѣли изложеніе перемежается силлабическими стихами, въ которыхъ указывается польза отдѣльных дѣйствій и необходимость прилежнаго изученія ихъ. Какъ сказано уже, этотъ учебникъ не вводитъ ученика въ самую сущность дѣла, но учитъ только механизму дѣйствій. Для примѣра приводимъ слѣдующее опредѣленіе:

«Что есть субстракціо? Субстракціо, или вычитаніе, есть ниже малое число изъ большаго вычитаемъ и излишнее объявляемъ». Затѣмъ объяснено, какъ подписывать число подъ числомъ, проводить черту и производить дѣйствіе и провѣрку его. Затѣмъ, въ заключеніе, стихи:

«Здѣсь конецъ субстракцію,
«Числь изъ числъ изъятію
«Имъ же знай вся уплаты,
«Безо лжи и утраты и проч.

Къ каждому дѣйствію приложены и практическія задачи.

Одной ариеметикой, въ смыслѣ настоящаго времени, Магницкій не ограничился: названіе «ариеметика» имѣло въ то время болѣе широкое значеніе, чѣмъ въ наше. Магницкій дѣлитъ свой учебникъ на два главные отдѣла: «1) ариеметика-политика,

¹⁾ См. Моск. Вѣд. 1857. №№ 68, 69 и 74.

или гражданская, и 2) ариѣметика-логистика не ко гражданству токмо, но къ движенію небесныхъ круговъ принадлежащая». Въ первой изложена вся ариѣметика въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Вторая часть (ариѣметика-логистика) заключаетъ въ себѣ алгебру, геометрію въ краткомъ изложеніи и свѣдѣнія по математической географіи («что надлежитъ къ мореплаванію и глобуса земного къ размѣренію») и содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для навигатора.

Учебникъ Магницкаго, будучи долгое время единственнымъ, имѣлъ, безъ сомнѣнія, огромное вліяніе на преподаваніе ариѣметики не только въ Навигаторскомъ училищѣ, но и въ другихъ школахъ: онъ былъ единственнымъ образцомъ для преподавателей. При всѣхъ недостаткахъ, при всемъ механизмѣ, все-таки преподаваніе ариѣметики должно было дѣйствовать довольно сильно на умственное развитіе учениковъ. Ариѣметика содѣйствовала ему если не своей сущностью, то практическимъ примѣненіемъ, рѣшеніемъ задачъ: при рѣшеніи ихъ требовалось сообразить условія ихъ, приискать въ памяти подходящее правило, а это, конечно, не могло не вліять на развитіе соображенія и смѣтливости.

Обученіе грамотѣ не имѣло тогда развивающаго значенія. Изученіе наизусть букварей также не могло имѣть его. Хотя со времени изданія Теофанова букваря стали заучивать не голый текстъ, но толкованіе его, имѣвшіе въ виду познакомить съ внутреннимъ смысломъ религіи; но все-таки этотъ смыслъ по своей отвлеченности былъ мало доступенъ большинству учениковъ. То обстоятельство, что эти толкованія должны были выучиваться наизусть, показываетъ, что не особенно довѣряли пониманію учениковъ. Въ Духовномъ Регламентѣ и въ указѣ послѣ него было указано, чтобы въ школахъ учили не только ясно, чисто и точно читать, но и разумѣть читаемое; слѣдовательно, было замѣчено, что ученики выучиваются только механизму чтенія, но плохо разумѣютъ то, что читаютъ и учатъ наизусть. Очень простое, повидимому, требованіе Регламента и указа выполнить на самомъ дѣлѣ было крайне трудно: учить чтенію приходилось по букварямъ, по псалтири, по часослову, содер-

жаніе и языкъ которыхъ были очень далеки отъ пониманія незрѣлыхъ учениковъ.

Книги, сколько-нибудь подходящей для первоначальнаго чтенія, тогда не было, да и быть не могло по состоянію литературы, науки и педагогики въ тогдашней Россіи. Многократныя исключенія за тупость, за неуспѣшность происходили, конечно, болѣе всего отъ печальнаго состоянія тогдашней учебно-воспитательной практики.

Ученія, какъ воспитанія ума посредствомъ приспособленнаго къ пониманію учениковъ учебнаго матеріала, при томъ передаваемого такъ, чтобы при самомъ усвоеніи его совершенствовались умственныя силы учащихся, тогда, конечно, не было. Не было также и воспитанія, какъ сознательнаго дѣйствія воспитателя на воспитанника для образованія его характера,— дѣйствія, имѣющаго цѣлью помочь правильному развитію индивидуальных свойствъ питомца.

Конечно, нельзя сказать, чтобы ученіе и воспитаніе даже и нашего времени всегда и вполне подходили подъ эти опредѣленія; но эти задачи существуютъ въ сознаніи лучшихъ педагоговъ и болѣе или менѣе осуществляются ими въ ихъ практикѣ. Въ петровское время обученіе имѣло конечною цѣлью единственно обладаніе извѣстными свѣдѣніями и умѣніями. Школа занималась только выучкой. Малопонятный, не приноровленный къ пониманію учениковъ, учебный матеріалъ могъ держаться нѣсколько времени въ памяти; но память плохо удерживаетъ малопонятное. Требуется безпрестанныя повторенія; долбять по нѣсколько лѣтъ одинъ букварь; суровыми наказаніями побуждаются къ ученію малоуспѣшныя, значительная часть учениковъ обращается въ бѣгство; огромное число удаляется изъ школы «за тупостью, за невзятіемъ науки», и только очень незначительная часть, извѣдавши всю горечь корня науки, оканчиваетъ учебный курсъ. Воспитаніе ограничивается только внѣшнимъ подавленіемъ дурныхъ проявленій воли, противопоставляя имъ страхъ наказанія, и чѣмъ суровѣе оно, тѣмъ больше страха, и, слѣдовательно, по тогдашнимъ понятіямъ, лучше достигается цѣль воспитанія. Все это было совершенно естественно.

Школа вполне зависит от двухъ условій: 1) отъ степени развитія научнаго знанія самого по себѣ и 2) распространенія его въ обществѣ. Гдѣ науки стоятъ на низкой степени, тамъ не можетъ быть хорошаго учебнаго матеріала и хорошихъ пріемовъ передачи его. Когда знанія мало распространены, тогда мало и хорошихъ дѣятелей для школы, мало и сочувствія, поддержки ей со стороны общества, не понимающаго значенія знаній, а безъ этого сочувствія и поддержки школа процвѣтать не можетъ. Оба эти условія въ началѣ правленія Петра были крайне неблагоприятны для школы. Онъ измѣняетъ ихъ къ лучшему. Онъ самъ ѣдетъ за границу учиться, посылаетъ туда молодыхъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, призываетъ иностранцевъ-учителей, велитъ переводить и писать книги. И вотъ знанія, до тѣхъ поръ небывалыя въ Россіи, мало-по-малу водворяются въ ней. Но эти знанія держатся въ очень ограниченномъ кругу людей, и потому нельзя извлечь изъ нихъ много практической пользы. Петръ стремится распространить ихъ—учреждаетъ школы. Въ нихъ не идутъ или идутъ, но очень неохотно; Петръ велитъ въ одномъ случаѣ силою брать дѣтей въ школы, въ другомъ—грозитъ лишеніемъ сословныхъ правъ, наконецъ, за отсутствіемъ настоящаго интереса къ знаніямъ создаетъ искусственный интересъ,—даетъ окончившимъ извѣстный курсъ ученія служебныя преимущества. И вотъ въ школы идутъ не только тѣ, для которыхъ служебная дѣятельность необходима, какъ средство къ жизни, идутъ и дворянскія и боярскія дѣти хотя и съ неудовольствіемъ, но съ надеждою, что, пройдя черезъ школу, они получаютъ тѣ привилегіи, которыя значительно облегчатъ выполненіе тяжелой для всѣхъ обязательной служебной повинности. Какъ ни далекъ этотъ искусственный интересъ отъ настоящей цѣли просвѣщенія, все-таки онъ могъ быть сильнымъ средствомъ для водворенія знаній тамъ, гдѣ ихъ не было. Значеніе царствованія Петра въ исторіи русскаго просвѣщенія и школъ сказалось главнымъ образомъ въ трехъ явленіяхъ: 1) крайне тѣсный кругъ знаній въ Россіи былъ расширенъ введеніемъ въ него новыхъ, небывалыхъ до тѣхъ поръ знаній, 2) государство ясно сознало необходимость извѣстныхъ знаній для своего существованія и взяло инициативу учрежденія и устройства школъ въ свои руки и 3) открылся

доступъ иностраннымъ вліяніямъ. Остановимся нѣсколько на этихъ явленіяхъ. Петръ В. по натурѣ своей былъ болѣе практикъ, чѣмъ теоретикъ: онъ не любилъ долго останавливаться на теоретическихъ соображеніяхъ, на отвлеченныхъ планахъ. Да и не было большой надобности въ этомъ: обветшала жизнь требовала обновленія. Всякому сколько-нибудь мыслящему человеку, при малѣйшемъ сравненіи этой жизни съ западно-европейской, бросалась въ глаза отсталость ея. Главная задача—сближеніе съ Западомъ и путь къ выполненію ея уже опредѣлились раньше. Дѣла яснаго, опредѣленнаго было много,—и нуженъ былъ по преимуществу практическій геній. Невѣжество духовенства, боявшагося всякихъ новшествъ, стояло поперекъ дороги преобразовательнымъ и просвѣтительнымъ стремленіямъ Петра. Кромѣ того, онъ еще въ ранней юности могъ видѣть безобразія раскола.

Понятно, что вниманіе Петра очень рано обратилось на образованіе духовенства. Петръ цѣнилъ истинно-религіозное чувство, понималъ его значеніе для нравственнаго благосостоянія народа, заботился, чтобы это чувство не дѣлалось предметомъ эксплуатацій; но болѣе всего онъ видѣлъ въ окружающей его жизни нелѣпыхъ суевѣрій, внѣшняго благочестія, обрядовой религіи, безъ внутренняго религіознаго чувства, наконецъ—ханжества, лицемерія. Петръ былъ заклятымъ врагомъ послѣднихъ.

Въ его меморіяхъ, или памятныхъ листкахъ, записано не разъ о необходимости составить книгу, направленную противъ ханжества ¹⁾. Какъ ясно и трезво смотрѣлъ Петръ на печальное состояніе религіи въ то время въ Россіи, и какія мѣры думалъ употребить для поправленія ея, показываетъ собственноручная записка его въ Синодъ въ 1724 г.

Онъ пишетъ: «Святѣйшій Синодъ! понеже я разговорами давно побуждалъ, дабы краткія поученія людямъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣемъ), также сдѣлать книгу, гдѣ изъяснить: что непремѣнный законъ Божій, и что совѣты, и что преданія отеческія, и что вещи среднія, и что

¹⁾ Чистовичъ. Оеофанъ Прокоповичъ, 124.

только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное, и что ко времени и случаю премѣнялось, *дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть*. О первыхъ кажется мнѣ, чтобъ просто написать такъ, чтобъ поселянинъ зналъ, или на двое: поселяномъ простяе, а въ городахъ покрасивѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется. Въ которыхъ бы наставленіяхъ— что есть прямой путь? истолкованъ былъ, а особливо Вѣру, Надежду и Любовь: и о первой, и о послѣдней зѣло мало знаютъ и не прямо, что и знаютъ; а о средней и не слышали, понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны и прочее тому подобное» ¹⁾.

Итакъ Петръ ясно видѣлъ корень всѣхъ неурядицъ въ церкви, причину печальнаго состоянія религіи—въ невѣжествѣ, въ отсутствіи знанія, что въ какой силѣ содержать. Для устраненія этого зла онъ избираетъ средствами—школу для юнаго поколѣнія, проповѣдь и пропаганду здравыхъ понятій книжнымъ путемъ—для взрослыхъ. Въ этомъ направленіи дѣйствуетъ главный помощникъ Петра по церковнымъ дѣламъ—Оеофанъ Прокоповичъ. Хотя нельзя сказать, что послѣ мѣръ Петра образованіе религіозное процвѣло: онѣ не коснулись мертвой схоластики, господствовавшей въ академіяхъ, не оживили ея. Но все-таки малограмотные, невѣжественные священники со времени Петра становятся все рѣже и рѣже.

Азовскій походъ и особенно Сѣверная война должны были живо напомнить Петру объ отсутствіи у русскихъ специальныхъ знаній, необходимыхъ для успѣшной войны. Нанятые иностранцы обходились недешево, да и не пользовались большимъ довѣріемъ войска. Являются specialныя заведенія для приготовленія моряковъ, инженеровъ и артиллеристовъ. Для всѣхъ этихъ школъ главнымъ основнымъ знаніемъ является математика. И вотъ, несмотря на враждебное отношеніе къ ней многихъ суетвѣрныхъ, она все болѣе и болѣе водворяется въ русскихъ школахъ. Петръ, смотря на нее съ чисто утилитарной точки зрѣнія, особенно старался о распространеніи ея въ Россіи. Лейбницъ принимался въ русскую службу въ надеждѣ, что онъ можетъ со-

¹⁾ П. С. З., VII, 4493. Пекарскій, 181.

дѣйствовать прежде всего преуспѣянію въ Россіи этой науки. Петръ старался водворить преподаваніе математики и въ духовныхъ школахъ. Цифирныя, или ариѳметическія школы имѣли главной цѣлью обучить началамъ ариѳметики. Въ письмѣ къ Апраксину, 1708 г. 3 августа, Петръ подтверждаетъ свое приказаніе стараться о непремѣнномъ размноженіи математическаго ученія, заключая свое письмо такъ: «Понеже сами можете видѣть, какая въ томъ польза, что не точію морскому ходу нужна сія школа (математическая), но и артиллеріи и инженерству» ¹⁾. Изъ этого ясно видно, какъ Петръ смотрѣлъ на математику и какою цѣлью руководился при водвореніи ея въ школахъ.

Недостатокъ медицинскаго знанія, малое число лѣкарей (исключительно иностранцевъ) особенно ощутительны были во время войны, когда медицинская помощь, особенно хирургическая, очень часто бываетъ нужна. Петръ, устроивъ военный госпиталь въ Москвѣ, на Яузѣ, для инвалидовъ, учреждаетъ при немъ медико-хирургическую школу. Анатомія является для нея основнымъ, необходимымъ знаніемъ, и Петръ, какъ сказано уже, заботился о томъ, чтобы ею занимались какъ можно усерднѣе. Начиная съ анатоміи, въ Россіи водворяются естественныя науки. Петръ очень заботился объ устройствѣ музея, какъ совѣтовалъ и Лейбницъ. Уже при Московскомъ госпиталѣ былъ музей; но болѣе замѣчательна петербургская кунсткамера, которая собрана была царемъ съ большими издержками. Берхгольцъ, посѣтившій кунсткамеру въ Петербургѣ въ 1721 г., говоритъ, что она заключаетъ въ себѣ множество замѣчательныхъ предметовъ по части естественной исторіи. Въ анатомическомъ отдѣлѣ заключалась извѣстная въ свое время коллекція анатомическихъ препаратовъ знаменитаго доктора Рюйша. Эта коллекція была куплена Петромъ въ Амстердамѣ у наслѣдниковъ доктора за десять тысячъ рублей. Затѣмъ была замѣчательна коллекція уродовъ, которые по царскому указу должны были присылаться отовсюду изъ Россіи въ Петербургъ. Наконецъ, здѣсь находились и коллекціи различныхъ рѣдкостей и монетъ ²⁾.

¹⁾ Голиковъ. Дополненіе къ дѣяніямъ П. В., VIII т., 99 стр.

²⁾ Берхгольцъ. Дневникъ. Ч. I, стр. 155-158.

Доступъ въ кунсткамеру не только былъ открытъ для всѣхъ желающихъ, но Петръ старался даже привлечь сюда больше посѣтителей: однажды Ягужинскій совѣтовалъ Петру назначить извѣстную плату за посѣщеніе кунсткамеры, но царь замѣтилъ, что тогда никто не будетъ посѣщать ее, и потому напротивъ опредѣлилъ особенную сумму (400 рублей) для угощенія посѣтителей ¹⁾.

Не менѣе заботился Петръ о томъ, чтобы переводились на русскій языкъ полезныя иностранныя книги. И здѣсь высказывается его преимущественно утилитарный взглядъ. «Для переводу», говоритъ онъ, «зѣло нужны переводчики, а особливо для художествъ. Художества же (переводить) слѣдующія: математическое, хотя до сферическихъ триангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ - цивились, анатомическое, ботаническое и тому подобныя» ²⁾. Изъ списка книгъ, изданныхъ при Петрѣ, можно видѣть, какъ много для того времени было издано книгъ по разнымъ отраслямъ математики и естественныхъ наукъ. Эти книги по большей части имѣютъ прикладной характеръ ³⁾.

Хотя самъ Петръ смотрѣлъ на эти знанія со стороны ихъ практической пользы и, вводя ихъ, имѣлъ въ виду цѣли чисто утилитарныя, но все-таки онъ первый положилъ начало изученію математическихъ и естественныхъ наукъ въ Россіи. Самая утилитарность, примѣнимость къ житейскимъ потребностямъ этихъ знаній были главною причиною того, что они скорѣе и прочнѣе принялись на русской почвѣ. Первый русскій ученый въ полномъ смыслѣ этого слова, Ломоносовъ, былъ по преимуществу естествоиспытатель. Справедливость требуетъ также сказать, что математика и медицина достигли въ Россіи наибольшаго развитія сравнительно съ другими науками. Если въ чемъ Россія въ настоящее время менѣе отстаетъ отъ Западной Европы, то это въ медицинскихъ и математическихъ наукахъ: по этимъ отраслямъ знанія русская наука можетъ выставить представителей, имена и труды которыхъ извѣстны и на Западѣ.

¹⁾ Пекарскій, 62.

²⁾ П. С. З., VII т., 4438.

³⁾ Пекарскій, II т.

Со времени Петра дѣлаются предметомъ изученія и иностранные языки: желаніе пользоваться западной наукой и литературой, частыя посылки молодыхъ людей за границу, множество иностранцевъ въ Россіи—все это должно было породить мало-по-малу такую потребность изученія иностранныхъ языковъ, что едва ли мы найдемъ аналогическое явленіе въ другихъ странахъ.

Когда государство нѣсколько успокоилось отъ внѣшней опасности, Петръ, болѣе сосредоточивъ свое вниманіе на внутреннемъ государственномъ строѣ, увидѣлъ необходимость подготовленія и къ гражданской службѣ. Онъ самъ говоритъ: «У насъ ученіе не гораздо вкоренилось, такожь и въ гражданскихъ дѣлахъ, а особливо въ экономическихъ дѣлахъ, почитай, что ничего нѣтъ». До открытія академіи онъ думалъ поручить герольд-мейстеру устроить школу для обученія дворянскихъ дѣтей *экономіи и гражданству*. Наконецъ, при устройствѣ академіи не были забыты знанія, необходимыя для гражданства. Всѣ науки академическія распредѣляются на 3 класса: 1) математическія и которыя отъ нихъ зависятъ, 2) всѣ части физики (естественныя науки) и 3) *гуманіора, исторія и права*. Но это осуществилось уже послѣ Петра.

Итакъ, главная заслуга Петра относительно введенія новыхъ знаній въ Россіи состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ математику предметомъ изученія и сильно содѣйствовалъ появленію естественныхъ наукъ. Хотя, какъ уже сказано, онъ имѣлъ въ виду прикладную сторону этихъ знаній, но чрезъ нѣсколько времени они поднялись до чисто научной высоты и послужили къ выработкѣ педагогическаго матеріала, не теряя все-таки по самой своей сущности, по приложимости къ жизни, тѣсной связи съ нею.

Государство, созданное Петромъ и поставленное лицомъ къ лицу съ болѣе образованной Европой, требуетъ собственно для себя, для своихъ функций большой массы интеллигентныхъ силъ, и чѣмъ оно болѣе стремится приблизиться къ своимъ западнымъ образцамъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ и потребность въ образованіи. Понятно, что государство какъ по своей сущности, такъ и по условіямъ, въ которыя было поставлено Петромъ, должно было

слѣдовать его примѣру—заботиться о распространѣніи и улучшеніи училищъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что все, что дѣлалось для школы послѣ Петра, происходило преимущественно по инициативѣ правительства. Общество относится къ училищамъ безучастно. Настоящаго понятія образованія почти нѣтъ: большинство видитъ въ школѣ только средство добиться извѣстнаго положенія въ государствѣ. Общества, въ смыслѣ болѣе развитой, мыслящей части народа, высказывающейся въ такъ называемомъ общественномъ мнѣніи, до Петра вовсе не было и, строго говоря, долгое время и послѣ него не оказывалось. Когда Петръ хотѣлъ по образцу западныхъ государствъ ввести въ города магистраты, имѣющіе общественный характеръ, то ничего изъ этого не вышло: на то, на что въ западныхъ странахъ смотрѣли, какъ на свое право, которымъ слѣдуетъ дорожить, русскіе посматрѣли, какъ на тяжелую повинность. Этотъ примѣръ показываетъ, что гражданскаго смысла, сознанія какихъ-либо правъ или стремленія къ нимъ не было: московскій государственный строй и вѣковое невѣжество погубили ихъ. При Петрѣ не только не было почина общественного въ учрежденіи школъ, но даже и учрежденныя уже правительствомъ, но по своимъ цѣлямъ и характеру нуждающіяся въ поддержкѣ общества, оказываются недолговѣчными. Цифирныя школы не кончили бы такъ скоро своего самостоятельнаго существованія, если бы имѣли большое число учениковъ. Изъ городскихъ (малыхъ) училищъ, которыя Петръ предложилъ устраивать магистратамъ, ничего не вышло: большой надобности въ обученіи не чувствовалось, а заведенія эти требовали издержекъ, хлопотъ... Послѣ Петра остаются только спеціальныя заведенія, въ которыхъ само правительство видѣло для себя насущную потребность. Государство, обновленное Петромъ, нуждается въ такой массѣ интеллигентныхъ силъ, а ихъ такъ мало представляетъ общество, что государство должно само, не ожидая содѣйствія общества, готовить ихъ для себя. Всѣ лучшія силы уходятъ въ государство. Общество не чувствуетъ особенной нужды въ нихъ: правъ оно особенныхъ не имѣло, дѣятельности общественной не было никакой.

Давно ли то время, когда всѣ сколько-нибудь образованныя силы отливались въ двѣ преобладающія формы: офицера и чи-

новника, и когда на человѣка умнаго и образованнаго, но не служащаго, очень многіе смотрѣли не то съ сожалѣніемъ, не то съ пренебреженіемъ. Общественной службы никакой не было, да и быть не могло, и образованный человѣкъ внѣ государственной службы не могъ найти себѣ сколько-нибудь почетной дѣятельности.

Итакъ, въ современномъ смыслѣ общества не было, а тогдашнее русское общество, не чувствуя потребности въ образованіи собственно для себя, предоставило всѣ заботы о школахъ правительству, которому нечего уже было рассчитывать на содѣйствіе, на помощь со стороны общества. И вотъ всѣ училища, отъ которыхъ зависитъ характеръ образованія въ странѣ, устраивались долгое время послѣ Петра исключительно правительствомъ. Отсутствіе общественнаго почина было причиною того, что школы размножаются медленно: правительство устраивало ихъ настолько, насколько позволяли средства. Историческія обстоятельства поставили государство въ необходимость заботиться болѣе всего о военныхъ силахъ, и оно не могло удѣлять значительныхъ средствъ на распространеніе школъ неспеціальныхъ, не имѣвшихъ самой тѣсной связи съ потребностью государства въ военныхъ спеціалистахъ. Общеобразовательныя школы долгое время не имѣли того значенія, какое, въ сущности, имъ принадлежитъ.

Наконецъ, какъ было уже сказано, Петръ открылъ свободный доступъ иностраннымъ вліяніямъ на Россію. Эти вліянія сильно содѣйствовали развитію науки, литературы и школьнаго образованія въ Россіи. Особенно сильное вліяніе въ послѣднемъ отношеніи было при Екатеринѣ II. Съ этой стороны знакомство съ Западомъ, безъ сомнѣнія, принесло огромную пользу. Но съ другой были и вредныя стороны вліянія, происшедшія главнымъ образомъ потому, что русскіе, при слабомъ образованіи, увлекались иногда формою, не проникая въ сущность дѣла, и переносили къ себѣ цѣликомъ чуждыя учрежденія, думая, что все что на Западѣ хорошо, и у насъ будетъ такимъ. Забывали, что только тѣ учрежденія, заносимыя извнѣ, могутъ быть прочны и жизненны, которыя могутъ укорениться на дѣйствительныхъ и притомъ сознанныхъ многими потребностяхъ страны, или, по

крайней мѣрѣ, тѣ учрежденія, полезность которыхъ скоро можетъ перейти въ сознаніе большинства. Тѣ же учрежденія, которыя не могутъ удовлетворять этимъ условіямъ, лишены внутренней силы, шатки, недолговѣчны и обыкновенно пропадаютъ или остаются пустою формою, лишевною внутренняго содержанія. Исторія нашихъ школъ не лишена примѣровъ крайнихъ увлеченій иноземнымъ. Самъ Петръ иногда бывалъ не безупреченъ въ этомъ отношеніи; но онъ сдѣлалъ такъ много, и многое привилось такъ прочно и принесло такіе плоды, что дурное относительно хорошаго составляетъ каплю въ морѣ. Относительно образованія имъ сдѣлано было очень много. Самое то обстоятельство, что онъ смотрѣлъ на знанія преимущественно со стороны ихъ приложимости къ жизни, было полезно. Если многіе, даже и мыслящіе люди, могли сомнѣваться въ большой необходимости изученія грамматическихъ тонкостей или риторики, то едва ли кто-нибудь изъ нихъ усомнился бы въ необходимости анатоміи для медика, математики для инженера или артиллериста, и въ томъ, что медики, инженеры и артиллеристы необходимы для государства. Польза этихъ наукъ такъ была осязательна, что должна была скоро войти въ сознаніе сколько-нибудь мыслящей части народа. Это-то обстоятельство и упрочило существованіе и развитіе наукъ математическихъ и медицинскихъ въ нашемъ отечествѣ. Если Петру и пришлось встрѣтить сопротивленіе его просвѣтительнымъ намѣреніямъ, то оно происходило главнымъ образомъ не изъ убѣжденія въ бесполезности знаній, которыми надѣляла школа, а отъ крайне дурного состоянія ея и отъ вѣковой привычки къ умственной бездѣятельности. Та апатія, которую Петръ встрѣтилъ въ большинствѣ общества, или, вѣрнѣе, не общества, а тѣхъ людей, которые по своему положенію стояли выше простого народа,—была главнымъ препятствіемъ его просвѣтительнымъ стремленіямъ. Это сопротивленіе нельзя назвать активной оппозиціей партій, это были, по мѣткому выраженію Соловьева, «сила упора». Но Петръ преодолѣлъ, насколько могъ, эту силу своей энергіей: онъ оставилъ рядомъ съ неподвижной массой большинства хотя небольшой сравнительно кругъ людей, но людей прогресса, для которыхъ возвращеніе назадъ было невозможно.

Если вспомнить всю многообразную дѣятельность Петра, вспомнить, что доходы Россіи до 1710 г. не доходили и до четырехъ милліоновъ, народъ былъ обремененъ налогами до крайности, и Петру даже приходилось для посылки молодыхъ подъячихъ за границу учитывать извѣстную долю изъ жалованья чиновниковъ; если, наконецъ, принять во вниманіе небольшое число сотрудниковъ Петра и силу упора, которую онъ встрѣчалъ при своихъ начинаніяхъ,—то нельзя не согласиться, что Петръ сдѣлалъ очень много для русскаго образованія. Онъ ввелъ новыя науки въ Россію, устроилъ школы, открылъ для русскихъ новый міръ—образованную Европу и, давши такимъ образомъ средства, научилъ русскихъ учиться. Онъ даже показывалъ, съ чего надо начинать учиться. Если бы Петръ и оцѣнилъ исполнѣ важное значеніе идеальной стороны знанія, то, вводя науки въ страну, гдѣ не было никакихъ знаній, промышленность и народное хозяйство находились въ жалкомъ положеніи, конечно, предпочелъ бы для школы знанія, въ своемъ примѣненіи полезныя для милліоновъ, тѣмъ наукамъ, которыя, доставляя, можетъ быть, высокое умственное наслажденіе немногимъ счастливцамъ, по своей непримѣнимости къ главнымъ потребностямъ жизни, были тогда еще мало полезны или и вовсе бесполезны для огромнаго большинства. Наконецъ, Петръ Великій, стараясь по мѣрѣ силъ приблизить Россію какъ можно больше къ западной цивилизаціи, своей неустанной дѣятельностью показалъ примѣръ, какъ надо трудиться, чтобы скорѣе догнать Европу въ образованіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Предисловіе В. В. Сиповекаго.

Литературно-біографическій очеркъ Н. Л. Леонтьевой.

Ученіе и здоровье	1— 12
Экзамены или репетиціи	12— 28
Чего недостаетъ современной школѣ	28— 38
Чему и какъ учить	39— 58
Образованіе и школа	58— 82
Учитель и учительница	82— 98
Учительница	98—111
О школьной дисциплинѣ	112—155
О развитіи дара слова у дѣтей	156—174
Замѣтка объ ученическихъ сочиненіяхъ	175—199
О преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	199—238
Педагогическіе афоризмы и замѣтки	239—250
Значеніе Петра Великаго въ исторіи русской школы	251—313

Изданія Я. БАШМАКОВА и К^о

И КНИГИ, НАХОДЯЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ:

Труды В. В. Сиповскаго.

О школьной дисциплинѣ. Изд. 2. Ц. въ папкѣ 20 к.

Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. Географическій обзоръ древней Греціи. Сказаніе о богахъ. Сказаніе о герояхъ. Сказаніе о Троянской войнѣ. Разказы изъ Илиады. Разказы изъ Одиссеи. Нравы и бытъ героическаго времени. Съ 50 политипаж. въ текстѣ и однимъ на отдѣльн. листѣ. Изданіе 4-е, допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго пособія для мужск. гимназ. и прогимн., а также въ учен. библиотеч. учебн. зав. Ц. 75 к.

Сократъ и его время. Съ рисунками. Изданіе 3. На лучшей бумагѣ въ перепл. для подарковъ 1 р., на простой бумагѣ въ папкѣ 40 коп.

Труды проф. В. В. Сиповскаго.

Исторія русской словесности.

Часть I. Выпускъ 1-й: Народная словесность. Изданіе 5, стереотипное. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Часть I. Выпускъ 2-й: Исторія русской письменности отъ начала до XVIII вѣка. Изданіе 5. Ц. въ переплетѣ 1 руб.

Часть II. Исторія литературы съ эпохи Петра Великаго до Пушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 1-й: Исторія новой русской литературы XIX столѣтія (Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій). Изданіе 3. Ц. въ перепл. 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 2-й: Очерки русской литературы XIX ст. 40—60-хъ годовъ. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища М-ва Нар. Пр.; вслѣдствіе такого постановленія допущено въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣд. Императрицы Маріи.

Сокращенный курсъ исторіи русской словесности. Въ двухъ частяхъ. Часть первая. Народная словесность—Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Примѣнительно къ „Исторіи русской словесности“.

Томъ I, вв. 1—3, т. 2, вв. 1—5 и т. 3, вв. 1, 2 и 3 допущены Ученымъ Комит. М-ва Нар. Пр. въ качествѣ учебнаго пособія въ средне-учебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія они допускаются и въ учебн. зав. Вѣд. Императрицы Маріи и учебн. зав. М. Т. и Ц.

Томъ I. Вып. 1-ый: Народная словесность. Изд. 5. Ц. въ пер. 90 к.

Томъ I. Вып. 2-ой: Русская письменность съ XI до XVIII вѣка. Изданіе 5. Ц. въ переплетѣ 90 к.

Томъ I. Вып. 3-й: Русская литература XVIII-го вѣка. Изданіе 4. Ц. въ перепл. 80 к.

Томъ II. Вып. 1-ый: Русская литература XVIII—XIX в. Изданіе 3. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Вып. 2-й: Русская литература начала XIX в. Изданіе 2. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Вып. 3-й: Русская литература начала XIX в. Изданіе 2. Ц. въ перепл. 60 к.

Томъ II. Вып. 4-й: Русская литература 20—30-ыхъ годовъ XIX в. Пушкинъ и Гоголь. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Томъ II. Вып. 5-й: Русская литература 30—40-ыхъ годовъ XIX в. Кольцовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій. Ц. въ переплетѣ 1 р. 40 к.

Томъ III. Вып. 1-й: Русская литература 40—60-ыхъ годовъ XIX в. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р.

Томъ III. Вып. 2-й: Русская литература 40—60-хъ годовъ XIX в. Л. Толстой и Ф. Достоевскій. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Томъ III. Вып. 3-й: Русская литература 60—70-хъ годовъ XIX в. Н. Некрасовъ, Гр. А. Толстой, Я. Полонскій, А. Майковъ, Ф. Тютчевъ и А. Фетъ. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Томъ III. Выпускъ 4-й: Русская критическая литература XIX в. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Очерки изъ исторіи русскаго романа. Томъ I. Вып. 1-й и 2-й. Цѣна 7 рублей.

Михайло Ломоносовъ. Жизнь и творчество. Съ портретомъ и автографомъ Ломоносова и съ видами: памятника его, Холмогоръ, церкви и, имени Ломоносова, школъ въ Денисовкѣ. Ц. 20 к.

Книги подъ редакціей проф. В. В. Сиповскаго:

1.—БѢЛИНСКІЙ, В. Г. Избранныя сочиненія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ. Цѣна въ папкѣ 50 к. Содержаніе: *Вступительная статья В. В. Сиповскаго. Пушкинъ: Народность, гуманность и художественность—отличительныя черты поэзіи Пушкина. Евгений Онѣгинъ. Борисъ Годуновъ. Гоголь: Повѣсти. Ревизоръ. Лермонтовъ: Стихотворенія. Кольцовъ: Стихотворенія. Мысли о литературѣ. Поэзія, ея область и высокое значеніе. Идеализація и типы. Отношеніе поэта къ дѣйствительности. Чистая прибыль отъ перваго изданія поступить на устройство Народнаго дома имени В. Г. Бѣлинскаго въ гор. Чембарѣ, Пензенской губ.*

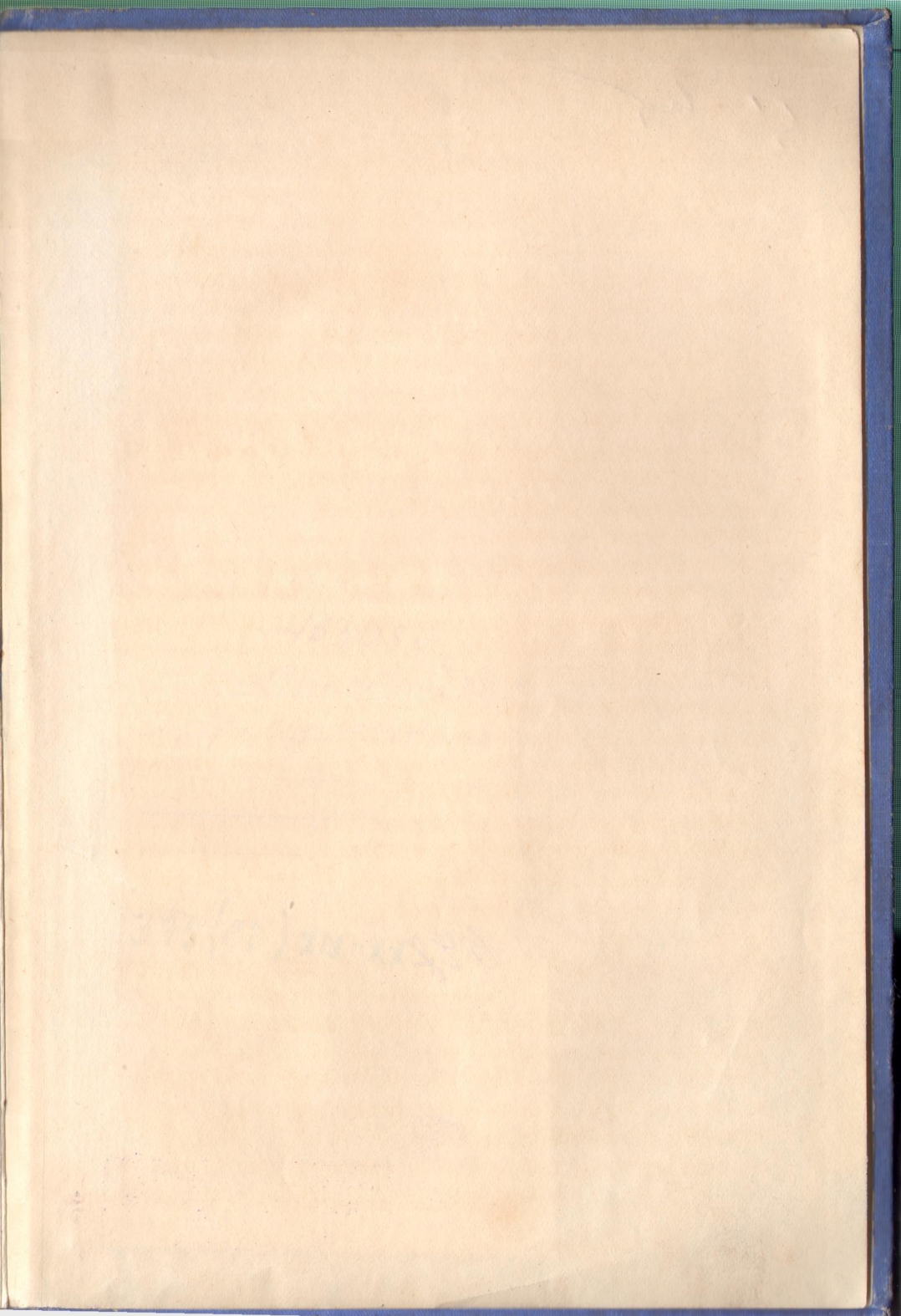
2.—ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія. Съ портретомъ и автографомъ Ломоносова и съ видами: его памятника, Холмогоръ, церкви и, имени Ломоносова, школъ въ Денисовкѣ. Подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Изд. 3 безъ перемѣнъ со 2-го. Ц. 30 к. Изд. 2 въ переплетѣ ц. 40 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

Дерновъ, А. А., протоіер. Курсъ методики Закона Божія.

Медвѣдковъ, А. П. Краткая исторія педагогики въ культурно-историческомъ освѣщеніи.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Инв. № 463056

51 W

642

373 (c1) XIX-XX